

МАРГАРИТА ДЮЖЕВА

ВОТ ТЕПЕРЬ
ТЫ ПОЖАЛЕЕШЬ,
КУЛАКОВА!

Маргарита Дюжева Вот теперь ты пожалеешь, Кулакова!

<https://litres.ru/68960940>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он: В школе я был полнейшим неудачником, а она - моим самым жутким кошмаром. Отличница и зазнайка. Но теперь все изменилось. Теперь я - босс, красавчик и просто душа, а она устроилась к нам простым секретарем. Пришло время платить по счетам! Моя месть будет коварной!

Бойся, Кулакова, бойся!

Она: Я нашла работу своей мечты. Вот только новый босс посматривает на меня неласково и очень нервно реагирует, когда речь заходит о тюленях и северных оленях. Но, ничего. Прорвемся!

Легкая история о бывших одноклассниках, которые в школе враждовали, а потом встретились несколько лет спустя.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	25
Глава 3	43
Глава 4	63
Глава 5	75
Глава 6	102
Гла	124
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Вот теперь ты пожалеешь, Кулакова!

Глава 1

Антон

Я был чмом.

Да, вот так самокритично. Имею право!

Это сейчас я охрененен, а тогда, в школе, я был чмом. Настоящим, матерым чмищем.

Сидел на задней парте, ходил в черных кожаных штанах, в которых невыносимо прели причиндалы, и вечно хотелось их почесать. У меня были длинные невымытые патлы на башке. Боже, почему я не мыл волосы? Ах да, ухоженная блестящая шевелюра не сочеталась с образом чма, а я к деталям всегда внимателен.

Я слушал музыку даже на уроках. Жевал жвачку, надувал и громко лопал пузыри, рисовал гадкие картинки, а о том, что такое спорт, даже не знал.

Я был толстым! Не прямо как боров неподъемный, а такой, знаете, увесистый баклажан, затянутый в кожаные портки. По жопе хлопнешь — волна до подбородка дойдет. Поэтому я не любил бегать. И прыгать.

Это уже потом, закончив школу и поступив в универ, я на-

чал меняться, а тогда... тогда я считал себя бунтарем и культивировал свои недостатки, потому что они отражали мою тонкую душевную организацию.

И имя у меня такое как надо. Прямо в тему. Колоритное. Антон Северный. Просто идеальный вариант.

Северный замечательно гармонировало с Оленем — моей вечной кликухой, а к Антону вообще запросто рифму подобрать.

В общем, вы поняли. Я был чмом.

А она принцессой.

Маленькой такой, с голубыми глазками, как у новорожденного котенка, копной каштановых вьющихся волос.

Дина Кулакова.

И она меня ненавидела. Почему? Правильно, потому что я был классным чмом! И «классным» вовсе ее по причине собственного великолепия, а потому что хуже меня в первом «г» никого не было.

Именно там мы и познакомились. Она пришла в наш класс под Новый Год, и я, сраженный неземной красотой, решил поделиться с ней самым ценным. Жвачкой. К сожалению, жеваной у меня не осталось, а слюнявый катышек должного впечатления не произвел. Поэтому любви между нами не случилось.

Всю начальную школу я тихо млел в ее присутствии, а она меня попросту не замечала. Потом пути наши разошлись. Она чистой воды гуманитарий — на литературу летела на

крыльях любви и трепета, а я был физмат... ладно, вру, я был тупорезом, поэтому мы попали в разные классы.

Но у судьбы хорошее чувство юмора, поэтому она нас свела чуть позже — в восьмом. Как раз в тот самый период, когда я окончательно вжился в образ бунтующего баклажана, а у нее начала расти грудь.

Любви между нами опять не случилось. Может, потому что ей не зашла моя шутка про Дуньку Кулакову, а может, потому что у нее самой был острый язычок, и она с радостью присоединилась к компании моих «заклятых» врагов. Мы люто друг друга ненавидели и при каждом удобном случае задирались, словно бойцовые петухи.

Классика жанра: самая красивая девочка класса и хронический неудачник в кожаных портках.

Я считал ее зазнайкой и выскочкой, а она называла меня Жирным Тюленем и очень правдоподобно изображала, издавая протяжные звуки и хлопая «ластами» по бокам.

Все ржали, а я бесился и мечтал ее задушить. Шейка-то тоненькая, как у цыпленка! Жамк — и готово.

М-да, мои подростковые мечты были весьма кровожадны.

Сказать по правде, Кулакова была моим самым неприятным воспоминанием о старших классах, и когда прозвенел последний звонок, я вприпляску, подпрыгивая и дергая в воздухе ногами, ускакал в туман, надеясь, что больше в жизни ее не встречу.

Потом был универ, куда я поступил по чистой случайно-

сти. И вот там-то все и изменилось.

Внезапно обнаружился талант к математике и программированию. Я, оказывается, был умным! Шокирующее открытие. Удивились все, а я так вообще охренел и с диким азартом принялся грызть гранит науки.

Кстати, баклажаном я оставался недолго.

В общаге было холодно и голодно, но весело. Есть было некогда, да и нечего, поэтому я стремительно начал худеть, и в скором времени мог влезть в одну свою штанину.

А дальше понеслось. Тренажерка, гулянки, девчонки, сессии. Не успел оглянуться, как пролетело несколько лет, и я уже выходил из стен родного ВУЗа специалистом с красным дипломом, фигурой Аполлона, неотразимой улыбкой и головой, полной светлых идей.

К счастью, этими идеями заинтересовалась крупная фирма, выпускающая софт, поэтому, побыв на вольных хлебах ровно пять дней, устроился на работу, от которой ловил кайф. Дальше пяток успешных проектов, продвижение по карьерной лестнице, и спустя несколько лет я уже стоял во главе целого подразделения.

К чему я тут распыляюсь, описывая себя распрекрасного? Вовсе не по причине самолюбования... ну разве что самую малость. Основная причина заключается в том, что в нашей фирме пополнение.

Снова шутка судьбы.

Дорогая Диночка устроилась к нам секретарем. Представ-

ляете? Я босс, красавчик и просто душка, а эта зазнайка-отличница всего лишь секретарь, девочка на побегушках!

У нее лицо от ярости треснет, когда увидит меня! Когда поймет, что все изменилось, и что я на коне, а она в самом невыгодном положении. Я ей тюленя этого поганого припомню! Устрою ей не работу, а каторгу. Пусть побегает, помучается!

Или, может, наоборот сделать? Влюбить в себя, а затем посмеяться и бросить? Сказать, что не слишком хороша для меня, и отправить восвояси? Пусть локти кусает! Поревет, в конце концов! А что? Отличная идея! Будет знать, как людей доводить!

Все, решено.

Я буду мстить! И бойся моей мести! Бойся, Кулакова! Час расплаты близок!

Дина

— Дина! Как ты могла? — отец схватился за голову, а мать театрально прилегла на диван, прижимая руку к сердцу, и тихим, преисполненным муки голосом просила «воды, дайте мне воды».

— Что не так? — я стояла перед ними, сложив руки на груди и всем своим видом показывая, что отступать не собираюсь, что в этот раз их спектакль пройдет мимо.

Сколько я себя помню, стоило мне в чем-то заупрямиться и проявить свою волю, не совпадающую с родительской, как

отец начинал экспрессивно заламывать руки, вызывая к моей совести, а мать включала умирающего лебедя. Все это с одной целью — чтобы я смутилась, отступила, почувствовала себя виноватой и сделала так, как они считают нужным.

Я очень люблю своих родителей, они замечательные. Но для них существует только два мнения — их собственное и неправильное. Причем они всегда были удивительно синхронны и действовали в едином пламенном порыве, особенно когда речь заходила о моем воспитании и перевоспитании. Будь то школа, выбор кружков, выбор ВУЗа. Про личную жизнь вообще молчу. Чтобы они одобрили кандидатуру, надо как минимум привести потенциального бойфренда к нам домой, где его заставят заполнить анкету на ста листах, проверят умение играть на фортепиано и подсунут задания из ЕГЭ.

По этой причине личную жизнь держала в строжайшем секрете, лишь пожимая плечами, когда они об этом спрашивали. Наши представления о том, какой мужчина мне нужен, не совпадали категорически. Как и мнения о том, что такое достойная работа.

Мои родители — педагоги. Матерые, фанатичные, уверенные, что призвание каждого человека — это нести свет знаний в массы. Поскольку себя они считали крайне достойными и не сомневались, что их дочь тоже просто обязана быть достойной, то мой путь был предопределен с самого начала. Я должна была стать учителем! Рассказывать детям

уравнение Менделеева-Клапейрона, ходить с томиком Достоевского под мышкой, объяснять, чем отличается мейоз от митоза, вести внеурочные занятия и падать в обморок от восторга при одной мысли о классном руководстве.

Мой робкий писк о том, что я как бы не горю желанием впрягаться в колесницу педагогики, остался неслышанным.

Я терпела. Стиснув зубы, делала, что они хотят, лишь бы не расстраивать дорогих родителей. Получила высшее педагогическое, даже кандидатскую по этому профилю заимела, но любовью к этой профессии мое сердце так и не наполнилось.

Поэтому, увидев вакансию секретаря в фирме, специализирующейся на информационных технологиях, не раздумывая подала резюме. Не то чтобы я мечтала заниматься бумажками и отвечать на звонки, мне просто хотелось самой выбрать свой путь.

Собеседование прошло удачно, и в понедельник меня ждали на новом рабочем месте. О чем я и сообщила своим дорогим родителям.

Итог: папа вопит «как ты могла»? Мама, слабо всхлипывая, просит воды и тянет ко мне дрожащие руки.

Переигрываете, товарищи манипуляторы! Эх, как переигрываете! Не верю ни на грамм! В этот раз я сделаю по-своему, так как надо мне, ибо не хочу провести всю жизнь за проверкой тетрадок, обсуждением «успехов» тридцати разнокалиберных обалдуев и принимать на ночь двадцать ка-

пель эфирной валерьянки.

Не мое это! Не мое!

Я это давно поняла, теперь настала очередь донести эту светлую правду и до родителей.

— Дина! Быть секретарем — это унижительно! — не сдавался отец.

— Почему?

— Потому что это несерьезно! Вот то ли дело учитель — почет, признание...

— Дергающийся глаз, — продолжила шепотом себе под нос, но родители слышали.

Отец в негодовании грозил мне пальцем, а мать выдавила очередное надрывное «воды-ы-ы».

— Мам, ну хватит уже! — в сердцах пошла на кухню, налила стакан воды и принесла ей. — Пей!

Она попыталась отстраниться, но я настойчиво всунула ей стакан в руки.

— Ну уж нет! Пей! До дна!

Пить ей, видать, не хотелось, поэтому она бросила на отца беспомощный взгляд.

— Дина, — рявкнул он, — отстань от матери!

— Я ее спасаю от дикой жажды! Она сама просила. Пей-пей, мамулечка. Сейчас еще принесу.

Мать негодуя засопела, батя опять стрельнул в меня профессиональным взглядом грозного учителя.

— В общем, решено! Никаких секретарей!

— Нет, — категорично покачала головой, — я пойду на эту работу, и точка!

— Да что за глупости?! В какую-то шарашкину контору на должность побегушки рвешься, вместо того чтобы идти в государственное учреждение!

— Во-первых, секретарь — это не побегушки. Во-вторых, фирма серьезная, занимается компьютерами, программами...

— Так дело в этом? — просиял папа. — Ты хочешь работать с компьютерами? Что же ты сразу не сказала! В нашу школу как раз требуется учитель информатики! Завтра же переговорю с директором, он с радостью тебя примет!

— Не надо ни с кем говорить, — процедила сквозь зубы, поражаясь непробиваемости родителя, — я уже нашла работу! И выхожу на нее в понедельник. Все. Разговор закрыт!

— Ты нас совсем не любишь, — простонала мать. Воды она больше не просила, всерьез опасаясь, что я принесу еще кружку и заставлю выпить до дна.

— Люблю, мамуль. Больше всех на свете. Но работу себе выберу сама, без ваших подсказок. Вернее, уже выбрала.

— Глупости! — строго отчеканил отец. — Ты страдаешь ерундой! Вроде взрослая девица...

— Да, пап, ты правильно все подметил. Взрослая. И я все решила. Смирись вы с моим решением или нет — ваше дело.

Родители молчали, недовольно переглядываясь между со-

бой. Впервые в жизни получив от меня такой пламенный отпор, они явно не знали, что делать и как повлиять на непутевую дочь, собиравшуюся своими собственными руками разрушить свое светлое учительское будущее.

— Даю гарантию, что долго ты в этом вертепе не продержишься, — наконец, пренебрежительно выплюнул отец, — и тогда вспомнишь наши с матерью слова.

— Если вдруг такое случится, и я разочаруюсь в своем выборе, обещаю, что вы об этом узнаете. Я приползу к вам на коленях, буду с воем вырывать волосы из головы, и просить прощения... А пока оставьте в покое меня и мою новую работу! — для пущей убедительности гордо кивнула головой и вышла из комнаты.

Правда, к себе не торопилась. Притаившись за дверью, наблюдала за тем, как мать бодро вскочила на ноги, отец недовольно, но без всякой патетики упер руки в боки.

Вот актеры! На что угодно пойдут, лишь бы заставить прогнуться под их желания.

Манипуляторы! В этот раз своей цели они не достигли.

Я победила, не уступила, несмотря на спектакль, устроенный предками. Что из этого выйдет — увидим позже, но мне казалось, что все будет хорошо.

— Поздравляю! И добро пожаловать! — сотрудница из отдела кадров смотрела на меня с доброжелательной улыбкой. — Вам здесь непременно понравится. Коллектив моло-

дой, сплоченный, а самое главное — увлеченный общей идеей. Начальство адекватное. Зарплата стабильная. В общем, все, что надо для комфортной жизни и работы, имеется.

— Спасибо! — я растеклась в ответной улыбке.

Мне уже здесь нравилось. Атмосфера такая... уютная, что ли — светло, тепло и пахнет кофе, те сотрудники, которых я успела увидеть, располагали к себе. Замечательное место!

— Надеемся на долгое сотрудничество!

— А уж как я надеюсь! — в сердцах прижала руку к груди, не в силах скрыть эйфории, что накрывала с каждым мигом все сильнее.

— Сейчас все сделаем, и можете отправляться к Антону Дмитриевичу. Он в курсе, что вы сегодня придете. Ждет вас.

Я тотчас представила, как за огромным столом из красного дерева заседает человек в строгом костюме и при моем появлении довольно улыбнется и раскроет объятия со словами «как хорошо, что вы пришли», а я клятвенно заверю его, что сделаю все для процветания фирмы, и будем мы работать долго и счастливо и уволимся в один день.

После того как все бумаги были заполнены, и меня официально приняли на работу, я выпорхнула из кабинета как большая, одурманенная маковым цветом бабочка — с блаженной улыбкой, чуть пританцовывая и размахивая руками.

Пройдя по коридорчику, увешанному многочисленными грамотами и сертификатами, я оказалась в большом помещении, залитом солнечным светом — высокие окна тяну-

лись по обеим стенам. Широкий проход вел от входа, где в нерешительности топталась я, и до внушительной двери на противоположной стороне. Вдоль него в строгом порядке стояли рабочие столы, отделенные друг от друга невысокими перегородками. На каждом столе по два широкоформатных монитора. Программисты бодро переключали своё внимание то на один, то на второй и с невероятной скоростью щелкали по клавишам.

Профессионалы! Я даже залюбовалась.

Эх, видел бы вас мой папенька! Его бы кондрашка хватила, если бы он здесь оказался. В этом пристанище бездельников, которые бесполезно пялятся в экран вместо того, чтобы всего себя положить на алтарь педагогики.

Делаю шаг вперед, продолжая самозабвенно осматриваться по сторонам. В углу, у входа, стол с кофе-машиной и всякими вкусняшками, куллер, кожаный диван — все для комфорта работников. Не знаю, как дальше сложится, но пока я просто влюблена в это место.

Смущенно улыбаясь, кивала в знак приветствия сотрудникам, с которыми пересекалась взглядами, и шла вперед. К той самой двери в конце помещения. Там кабинет руководителя и небольшая приемная — мое место работы.

В потных руках сжимала трудовой договор и изо всех сил старалась выглядеть уверенно, ведь мне сейчас предстояло встретиться со своим начальником, надо произвести на него благоприятное впечатление. Это я умею! Мы с ним наверня-

ка поладим и будем работать душа в душу.

Шла вперед, чувствуя себя так, будто кочергу проглотила — улыбалась, щеки свело, шея не гнулась, только глаза по сторонам бегали. Захотелось хихикнуть, но я сдержалась. Похоже, это нервное. А как иначе? Первый день на работе — занервничаешь тут! Надо успокоиться, взять себя в руки, и все будет хорошо.

Пройдя чуть вперед, возле одного из столов заметила группу людей. Совсем молодой парень сидел за компом и сосредоточенно кивал, в то время как мужчина, тоже молодой, что-то ему втирал, указывая пальцем на экран.

Я невольно притормозила, заслушавшись. Ни черта не понимала, о чем шла речь, но голос у мужика был приятный. Да и вообще выглядел он очень даже ничего. Рост выше среднего, фигура хорошая. Белоснежные кроссовки и синие джинсы прекрасно смотрелись с модным темным пиджаком и светлой футболкой. Мужчина был темноволос, скрасивым профилем, немного растрепанной шевелюрой и шикарной улыбкой. Он что-то вещал, не замечая того, как я на него пялюсь.

— Девушка, вы к кому? — раздался рядом со мной любопытный женский голос, привлекая ко мне всеобщее внимание.

— Я новый сотрудник. Мне надо к Антону Дмитриевичу.

— Так вот же он! — конопатая девушка, похожая на Пепи-Длинный-Чулок, указала в сторону персонажа, которого

я рассматривала.

Мужчина на миг замер, нахмурился, недовольно поджал губы и, не торопясь, обернулся ко мне.

— Я вас слушаю.

Это он? Антон Дмитриевич? Тот самый, на которого мне предстоит работать? Ничего себе! Мысленно присвистнула. Вот повезло, так повезло. Мечта, а не работа.

— Получается, я к вам, — улыбнулась, всем своим видом показывая восторг и щенячью преданность, — вот документы.

Он моей радости не разделил. Проигнорировал бумаги, которые я ему протягивала, посмотрел хмуро исподлобья, скользнул оценивающим взглядом от макушки вниз до кончиков туфлей и, судя по всему, увиденным не особо впечатлился.

Обидно стало. Такое место хорошее, солнечное. Люди улыбчивые. Босс красавчик. Что же так хмуриться-то? Ведь минуту назад улыбался так, что дыхание захватывало.

— Я рад, — произнес с долей иронии, и стало сразу понятно, что радостью тут и не пахло.

Игнорируя мое присутствие, он закончил обсуждение с коллегой, отдал последние распоряжения, похлопал парня по плечу и пошел к себе в кабинет, попутно кивнув мне, чтобы следовала за ним. Суровый. Я бы даже сказала — сердитый. Прямо напруг какой-то у мужика произошел. Только что улыбался, а теперь бац — и сумерки накрыли.

Из-за меня, что ли? Не понравилась? Да не может быть! Я всем нравлюсь.

Ну ничего! Я его непременно очарую. Нам однозначно надо налаживать контакт и дружеские отношения! Прямо сейчас этим и займусь.

Мы прошли через маленькую приемную, в которой умещался только рабочий стол, шкаф для документов да диван для ожидающих приема, и оказались в его кабинете, таком же светлом и уютном, как и все остальные помещения.

Но весь этот свет с уютом совершенно не гармонировали с хмурым мужиком, который уселся в кожаное кресло с высоким подголовником и, сложив пальцы домиком, смотрел на меня, явно чего-то ожидая. Я же стояла перед ним, не зная, куда себя девать, и судорожно пыталась придумать, что бы такого сказать, чтобы расположить его к себе.

Сразить его серьезным подходом к делу? Удивить ответственностью и способностью решать одновременно десяток задач? Показать, что я на все готова ради работы? Конечно, в разумных пределах.

Почему-то кажется, что ему будет плевать на все мои потуги.

Может, развеселить? Я же видела, как он улыбался. Нормально, открыто, без чопорности. Явно не из тех, кто корчит из себя сурового босса. Нормальный мужик.

А как его развеселить? Если я ему сейчас анекдот с по-

рога заверну, он меня, скорее всего, в тот же миг восвояси отправит.

Он продолжал сидеть и гипнотизировать меня сумрачным взглядом. Хотя бы моргнул для приличия, а то я уже начала нервничать.

— Я... это... вот бумаги... подписать... — ну вот, начала мямлить, а все так хорошо начиналось.

Протянул мне руку, а я протянула в ответ свою и пожала. Вдруг у них все так здороваются? Неважно мужчины или женщины.

Он вопросительно поднял одну бровь и потом произнес ровным голосом:

— Я вообще-то хотел документы взять.

— Да?! — испуганно отдернула лапку. — Простите... я подумала...

Да, твою мать! Сама себя не узнаю. Тупость какая-то напала. Это все он меня сбил! Своим суровым взглядом! Антоша, блин!

— Я все еще жду, — сделал пальцами манящее движение.

Я взяла себя в руки, улыбнулась кое-как и протянула ему несчастные листы. Только бы он не подумал, что я того, не в себе. Хотя действительно маленько из колеи вышла. Странно. Я обычно весьма стойкая барышня, но тут пробрало.

В этот момент вспомнила своих родителей, убежденных в том, что у меня ничего на этой работе не получится, и я, печально поджав хвост, приползу к ним на коленях, покаюсь

и попрошу устроить меня в школу на полторы ставки.

Ну уж нет. Не дождутся. Это моя работа! И с Антоном Дмитриевичем я тоже разберусь! В любом случае, он один лучше, чем тридцать человек в классе. А то, что суровый такой — не беда, исправим.

Пока он просматривал бумаги, я осматривалась по сторонам, пытаюсь придумать тему для разговора. В голову, как назло, ничего не приходило, пока не натолкнулась на золотистую табличку у него на столе, с красиво выгравированным именем.

Северный Антон Дмитриевич.

Надо же!

— У вас очень красивая фамилия, — выдала вдохновенно, — вам идет.

— Знаю, — ноль эмоций, от бумаг даже не оторвался.

— Нет. Я серьезно. Вам очень-очень идет. Я, кстати, знавала вашего тезку. У нас в школе тоже был Антон Северный, представляете? Сущий кошмар, а не человек!

— Да вы что? — наконец, соизволил оторваться от бумаг и перевел на меня внимательный взгляд.

Я сразу как-то воодушевилась, перья распустила, в улыбке растеклась и продолжила его грузить подробностями своей школьной жизни:

— Здоровенный, толстенный, жуткий тип! Неопрятный! Вечно потный!

— Ничего себе! — сочувственно покачал головой.

— Да! Он доводил учителей, конфликтовал почти со всем классом. Мне вообще прохода не давал!

— Уму непостижимо. Неужели такое бывает? — сокрушенно поцокал языком.

— Представьте себе, еще как бывает. Мне кажется, директор, учителя, да и все остальная школа перекрестились, когда он, наконец, ушел. Вообще не понятно, как продержался все одиннадцать классов.

Глаза у Антона Дмитриевича как-то особо свирепо сверкнули. Наверное, он тоже негодовал, что у него где-то бродит настолько бездарный тетка.

— Может, на самом деле он умный был? — предположил осторожно.

— Не-е, — я уверенно махнула рукой, — вот вы умный, работаете в такой хорошей фирме, людьми руководите, в компьютерах разбираетесь, а там вообще труба была. Два плюс два равно семь и жи-ши пиши через ы.

— Надо же... — протянул задумчиво и, откинувшись на спинку стула, продолжал внимательно меня слушать.

А я, довольная тем, что завладела его царским вниманием, вещала дальше:

— Даже боюсь представить, что с ним стало.

— Может, взялся за ум? Изменился? Нашел дело по душе?

— Вряд ли. Скорее, улицы где-нибудь метет...

Снова глаза сверкнули.

— ...Или вагоны разгружает. Или... — замялась, не зная, какую еще теорию выдвинуть.

— Тележки в супермаркете возит? — предложил свой вариант.

— Да-да, — согласно закивала головой.

Надо же, мужик меня с полуслова понимает! Мы с ним на одной волне! Это победа!

— Вас-то он почему задевал? — поинтересовался Антон Дмитриевич, чуть склонив голову на бок.

— Мне кажется, я ему просто не нравилась, — пренебрежительно повела плечами.

— Да вы что? Разве такое может быть! По-моему, вы само очарование.

— Спасибо, — смущенно зарделась. Он определенно мне нравился. Такой умный, такой галантный, просто чудо! Мечта, а не начальник. — Он меня задевал при каждом удобном случае. Я, если честно, даже в школу из-за него ходить не хотела.

— Ого, — приложил руку к груди и сочувственно на меня посмотрел.

— Да, вот такой жуткий Антон Северный омрачал мои школьные годы. Но с вами-то мы поладим? — проникновенно в глаза ему заглянула.

— Всенепременнейше, — Антон Дмитриевич улыбнулся так широко, что я его зубы мудрости увидела, — тем более после такого ужаса, перенесенного в школе... бедная, как

только выдержала.

— Ничего, справилась, — уверенно подняла кверху пятерню, — я ведь тоже не лыком шита. Отпор ему давала, чтобы не расслаблялся.

— А он что?

— А он сердился, бесился. Особенно, когда я тюленя показывала!

— Тюленя? — голос начальника немного дрогнул.

— Да. Я мастерски показываю тюленей. Хотите посмотреть?

— Нет, спасибо.

— Да ладно! Вам понравится! — убежденно показала ему большой палец, поднятый кверху. — Смотрите, как надо!

— Не стоит, — начал было он, протестуяще разводя руками, но я уже вошла в роль.

Лапки к бокам приложила, изображая ласты, чуть в один бок нагнулась и издала пронзительное тюленье «ау, ау, ау», хлопая себя «ластой» по боку. Тюлень — это мой коронный номер, весь класс ухохатывался, когда я его показывала.

Антон Дмитриевич ничего не сказал и не засмеялся, только непонятно исподлобья посмотрел. Что, разве не смешно? Тюлень — это всегда смешно! Смейся, давай!

Тут в голове словно щелкнуло, и голос раздался «молчи, дура, молчи». Как-то не по себе стало. А еще в груди что-то неприятное зашевелилось, и это что-то было очень похожее на узнавание.

Глаза у него серые — таких миллион... но вот их выражение... да и мимика всей этой холеной физиономии в целом... особенно в момент показа тюленя.

Ооо, черт! Это же он! Северный Олень собственной персоной!

— Ау, — тихо выдала обреченный вопль приговоренного к смертной казни тюленя, и лапка сама конвульсивно пару раз дернулась, — здрасте.

Начальник хмыкнул и без тени радости произнес:

— Ну, здравствуй, Кулакова. Рад тебя видеть.

Все. Мне капец.

Глава 2

Антон

Непробиваемая! Я думал об этом на протяжении всего нашего милейшего разговора. Просто непробиваемая. И не по причине тупости, а из-за абсолютной, непоколебимой веры в то, что она прекрасна, и весь этот огромный мир должен расцветать фиалками и пукать золотистыми фейерверками, стоит ей только появиться на горизонте.

В школе такая же была! Зазнайка!

Я ее троллил, причем довольно открыто, но все впустую. Глазами хлопала, улыбалась и продолжала описывать «другого» Антона Северного. Если честно, то пробрало, зацепило. Одно дело, когда сам себя ругаешь и любя говоришь «ай-ай-ай, плохой Антошка, плохой», и совсем другое, когда напротив тебя стоит твой школьный кошмар и с упоением вещает про потного, толстого, противного тупореца, отравлявшего ей жизнь в старших классах.

Во-первых, не толстый, а в меру упитанный! Во-вторых, не потный, а немножко засаленный. В-третьих, не тупорез, а...

Да что я, в конце концов, как маленький, сам перед собой пытаюсь оправдаться?! Все это в прошлом! Сейчас я ого-го-го какой! Красавчег! И все у меня супер!

Но когда она начала изображать тюленя, я мечтал только

об одном.

Встать. Схватить. Выкинуть. В окно.

Тюленья я ненавижу больше всего остального. Даже больше неудобных кожаных портков и клички «Северный олень». Тюлень — это зло вселенского масштаба, а Кулакова — исчадие ада!

Зато надо было видеть выражение ее физиономии, когда до нее дошла вся прелесть ситуации. Прямо в процессе тюленьей демонстрации Дина и сообразила, что тот Антон Северный, о котором она говорит, и я — это одно и то же лицо. У бедняги чуть челюстью на пол не выпала, и глазоньки опасно выпучились.

Хоть какое-то удовлетворение.

— Ну, здравствуй, Кулакова. Рад тебя видеть, — произнес тоном крестного отца и смерил ее снисходительным, циничным, устрашающим — вроде бы — взглядом. Прямо Аль Пачино на свободном выпасе.

— Здравствуйте, — тихонько проблеяла она, недоверчиво уставившись на меня.

А дальше тишина. Я молчу, изо всех сил изображая из себя Царя Горы, она молчит и только ресницами обескураженно шлепает. Обалдела девочка.

Может, мне встать? Покрутиться? Дать себя пощупать?

— Тебя со школы не кормили, что ли? — наконец, выдавила из себя Дина. — То есть вас. Или только из концлагеря выпустили?

Какой концлагерь? Я только вернулся с моря — довольный, загорелый, наевший щеки на all inclusive!

Мерзавка! Ну я тебе устрою!

Что именно я ей устрою, все еще оставалось загадкой, поэтому лишь многозначительно хмыкнул и подтолкнул в ее сторону стопку разноцветных папок.

— Прошу, — снисходительно указал взглядом на кучу. — Ты хотела работу — ты ее получила. Приступай.

Она кашлянула нервно, кивнула, кое-как взяла себя в руки и пыталась не пялиться на меня.

— Да, конечно, — неловко схватила за бумаги, дернула на себя, но не рассчитала собственные силенки, в результате все добро оказалось на полу, — простите.

Кулакова вспыхнула, как свечка, и бросилась подбирать листы, разлетевшиеся во все стороны.

— Проблемы с координацией? Со зрением? С прямоотой и местоположением рук? — поинтересовался участливо, и в ответ очень явно услышал скрип зубов. Что? Не нравится?

Еле сдержался, чтобы не потереть злорадно руки и не рассмеяться демоническим хохотом. Я тебе устрою сладкую жизнь! Любительница Тюленей! Будешь у меня пахать, как проклятая! Хм, а может, и не будешь. Посмотрим.

— С руками все в порядке, — произнесла она, старательно улыбаясь и пытаясь изобразить из себя преданную сотрудницу. Ну-ну, посмотрим, надолго ли тебя хватит, королева класса. — Просто... просто я немного... в шоке.

— От чего? — обойдя стол, остановился рядом с ней, ползающей по полу, боком к столу привалился, руки на груди сложил, нахмурился грозно. Суровые боссы ведь так делают? Я, если честно, понятия не имею. Никогда суровостью не отличался, обстановка у нас в офисе исключительно дружеская и расслабленная. Когда всей команде работа в кайф, все горят одной идеей, никакая суровость не нужна, все идет как по маслу.

— Вот от этого всего, — она сделала жест рукой, как бы обводя мои контуры. — У меня в голове не вяжется то, что было, с тем, что стало.

— Сочувствую.

Она, наконец, собрала бумажки, кое-как прижала к себе охапку листов и, поднявшись с пола, снова на меня посмотрела:

— Извините, пойду работать.

— Иди.

Дина вышла из кабинета, то и дело подозрительно оглядываясь. Наверное, ждала, что сейчас морок рассыплется, и я снова стану баклажаном в кожаных портах.

Хрен тебе, Кулакова!

Я еще до конца не решил, как с ней быть. То ли работой заморить, чтобы вздрагивала и пряталась под стол от одного моего голоса, а потом и вовсе сама сбежала, размазывая слезы-сопли по щекам. То ли включить обаяние на полную и отыгаться совсем по-другому. Пока она тут по полу полза-

ла, мне открылись несколько впечатляющих видов сбоку, да и сзади. Разве можно такому добру без дела пропадать? Конечно, нет. Помню, в школе ладная фигура Кулаковой не давала мне спокойно спать, будоража подростковый организм, до краев заполненный гормонами. Но тогда это была недосягаемая вершина, а сейчас — вот она, передо мной. И, если честно, видал в своей жизни и получше, поэффектнее, так что еще неизвестно, кто из нас теперь не достоин.

Еще немного подумал, почесал макушку, прикидывая все за и против. Я сейчас практически свободен — Алка не в счет, это элемент хаоса, который периодически врывается в мою жизнь. Мы проводили вместе пару дней, а потом разбежались каждый в свою сторону. Я ей ничем не обязан, она мне тоже. Но ее существование может сыграть мне на руку. Самое то, чтобы поставить на место одну школьную зазнайку! Вообще, соблазнить и бросить — идеальный вариант, чтобы потешить свое потрепанное самолюбие и отомстить за ненавистных тюленей.

Эх, я и коварный. Прямо змей-искуситель.

Спустя полчаса напряженного мыслительного процесса план, хоть и плохонький, полный дыр и нестыковок, все-таки нарисовался в моей шальной голове. Я даже проголодался от усилий. Пойти поесть, что ли?

Из кабинета вышел и едва не зацепился за порог, натолкнувшись на внимательный, въедливый взгляд новой сотрудницы. Мне кажется, если бы я разрешил, Дина не раздумы-

вая подошла и помяла бы меня — подергала бы за нос, похлопала по заднице, уши покрутила или еще что-нибудь.

— Что-то не так? — снова попытался сделать серьезное лицо.

Видать, в этот раз не очень получилось, потому что она только криво усмехнулась, не поверив в мою суровость. Надо потренировать дома перед зеркалом свирепую физиономию.

— Все так. Работаю, — закивала, словно болванчик.

— Вот и работай!

— Я работаю.

— Вот и работай! — повторил раздраженно, в два шага преодолел переговорную и вышел в зал к сотрудникам.

А вслед донеслось:

— Вот и работаю!

Вот ведь... Кулакова!

Ладно, недолго тебе улыбаться осталось. Завтра приступим к воплощению коварных планов. Вот тогда-то ты запоешь совсем по-другому!

Дина

Он ушел, а я сидела, смотрела на закрывшуюся за ним дверь и в недоумении хлопала глазами. Вот это поворот! Лоханулась, так лоханулась.

Он, конечно, изменился, но не настолько, чтобы его совершенно не узнать! Физиономия-то прежней осталась! Только...

Хм, кто бы мог подумать, что если Северного Оленя умыть, причесать, поморить голодом, то выйдет очень даже приличный персонаж. Я бы даже сказала — симпатичный персонаж. М-да.

На всякий случай проверила молнию на джинсах, потрогала свои бока, смерила ляжки въедливым взглядом и пообещала себе, что с завтрашнего дня стану меньше есть. Я вроде на фигуру не жалею, но на фоне похорошевшего Тюленя проснулись странные комплексы. Хотя с чего бы? Можно подумать, мне не все равно, что он там обо мне подумает. Я работать сюда пришла. Точка.

В первый день я из кожи вон лезла, стараясь все выполнить на высшем уровне. Планировалось, что я сразу начальника своей работоспособностью, ответственностью, готовностью принимать нестандартные решения, но не вышло. Антон как вышел из кабинета, так больше там и не появлялся, все свое время провел с сотрудниками. Я только подглядывала в приоткрытую дверь, как он то с одним, то с другим общается, во все вникает, везде участвует.

Надо же какой въедливый. Все ему надо!

С коллегами Северный просто само очарование. Улыбался, смеялся, и в глазах неподдельный интерес горел. О моем же скорбном существовании он, похоже, вообще забыл. И на мою старательность вкупе с работоспособностью ему было глубоко фиолетово. Даже обидно стало. Трудишься тут изо всех сил, а кое-кому все равно!

Когда из зала донесся дружный смех, я вообще почувствовала себя глубоко несчастной и тоскливо посмотрела на стопку бумаг, которая не хотела убывать, несмотря на мои старания.

Как-то все не так. Неправильно. Это он обычно на задней парте сидел и на столешнице рисовал, а я в первых рядах, нарасхват. А теперь он там зажигал, а я сидела в крохотной приемной, копошилась в бумажках, и никому не было до меня дела. Где справедливость? Мне тоже хотелось туда, к народу, примкнуть к всеобщему веселью, узнать, по какому поводу смех. Вместо этого сердито фыркнула, нахохлилась и снова к бумагам вернулась. Ну и ладно! Ну и пожалуйста! Пусть ржут, как кони, а я пришла сюда работать.

Медитация и самовнушение не очень помогали, поэтому спустя некоторое время окончательно приуныла и, грустно подперев щеку рукой, перелистывала страницы.

Он появился, когда до конца рабочего дня оставалось десять минут. С кем-то увлеченно разговаривая по телефону, кивнул мне, скользнул равнодушным взглядом по столу, заваленному папками, и пошел дальше.

Ни тебе спасибо! Ни вопросов о том, как устроилась, как прошел первый рабочий день, не обижал ли меня кто, все ли понравилось... Ничего! Ноль внимания.

А я, между прочим, его косяки весь день разбирала! Не знаю, как он там с компьютерами общается, но с бумагами — полная жопа. Половину переделывать надо, чтобы стало

похоже на серьезный документ. И никакой благодарности.

Олень! Северный!

Наконец, рабочее время вышло. Я выключила компьютер, навела хоть какой-то порядок на столе и, повесив на плечо сумочку, решительно направилась к дверям в кабинет начальника.

— Антон Дмитриевич, — обратилась к нему по имени-отчеству, стараясь не показать своей обиды, — я на сегодня все.

— Молодец, — пробубнил себе под нос, не отвлекаясь от своего занятия. Сосредоточенным взглядом водил то по одному экрану, то по второму, при этом что-то набирая со скоростью света.

— Я пошла.

— Не смею задерживать.

Что еще сказать, я не знала, поэтому тихонько прикрыла за собой дверь и побрела прочь.

Первый день оставил за собой какой-то неприятный привкус. Я думала, по-другому все будет. Серьезнее, что ли, или, наоборот, веселее, а получилось совсем никак.

Ладно. Разберемся. Дома все обмозгую, переварю, и завтра с новыми силами в бой.

На выходе из офиса, пока вертелась возле зеркала, обнаружила полку, заставленную книгами, а рядом с ней распечатанный лозунг «А ты обменялся книгой?». Хорошая традиция, мне очень понравилась. Поэтому решила, что негоже

от коллектива отрываться, надо взять что-то почитать, а завтра принести взамен книгу из дома.

Тщательно выбирать не было желания, поэтому просто взяла ту, что «смотрела на меня» — с ярко-желтым корешком, и не глядя сунула ее в сумку. Дома посмотрю, полистаю перед сном.

Перед своей квартирой я остановилась и тяжело вздохнула, предчувствуя веселый вечер в компании родителей. Если они сейчас увидят мою кислую физиономию, то лекции на тему «а мы тебе говорили» не избежать. Поэтому выдохнула пару раз, нацепила спокойную улыбочку и отперла дверь:

— Я дома! — бодро оповестила о своем появлении.

— Дина! Мы с отцом уже ждали, — запричитала мама, — раздевайся скорее, пойдем ужинать.

— Пришла, наконец! — проворчал папа, выворачивая из комнаты в коридор. — Мы уже думали, что ты решила там заночевать.

— Пап! Я закончила в пять и сразу пришла.

— А могла закончить раньше, как мы с матерью! В три.

— Угу, и до ночи тетради проверять. Нет, спасибо, — фыркнула недовольно, скидывая обувь.

— Не спорьте, дорогие, — мягко вмешалась мама, — пойдемте ужинать.

Что-то она больно любезна и мила. Небось, пакость какую-нибудь задумала. С моими предками надо держать ухо

востро. Чуть не досмотришь — и все, перетянут на «темную сторону».

Отец замолк, всем своим видом демонстрируя оскорбленную невинность, а мама улыбалась так ласково, что я невольно начала перебирать в памяти последние дни на предмет собственных косяков. Хм, кроме работы, которую они не приняли, придаться не к чему, ибо вела себя как пай-девочка.

Спустя пятнадцать минут мы собрались на кухне. Отец уселся на свое место во главе стола, а мы с матерью быстро накрыли на стол.

— Как прошел первый день на новой работе? — спросила мама, нежно улыбаясь и с интересом заглядывая в глаза.

— Все хорошо... устала только, — посильнее натянула улыбку, чтобы родительница не разглядела вселенской печали, поселившейся у меня в душе.

— Конечно, устала, — фыркнул отец, — весь день на побегушках — поди, ноги по самый зад стоптала, бедняга.

— Папа, я секретарь. Я сижу в кабинете и работаю с документами, — проворчала себе под нос.

— Слава, ну в самом деле, хватит уже, — заступилась за меня мама, — девочка устала. Это же стресс такой! Новые место, новые люди, работа незнакомая. Она ведь не знает ничего о делопроизводстве, организации встреч, с деловым этикетом не знакома, техникой переговоров не владеет! Ей очень тяжело. Да, Диночка?

— Да, мамочка, — покорно процедила сквозь зубы.

Понятно, сегодня у нас вечер «хорошего и плохого» полицейского. Папа будет ругать меня в открытую, а мама ласково опускать, при этом делая вид, что поддерживает.

Эх, ну что за день такой! На работе все не так как планировала, дома засада. Тоска зеленая.

Все хватит с меня эмоционального экстрима и насаждения чужого мнения. Я сама жить хочу, своими решениями и желаниями. Хочу выбраться из-под заботливого, но немного навязчивого крыла родителей. Пусть ошибусь где-то, но зато сама, поэтому как только начну стабильно зарабатывать — сниму квартиру.

При мыслях о работе невесело ухмыльнулась. Прижиться бы еще на этой самой работе. Там поджидает коварный Северный Олень, с которым тоже надо держать ушки на макушке.

— Сколько еще собираешься тратить свое время впустую? — отец не желал униматься. Жевал гречку с котлетой и сурово на меня посматривал.

— Я только начала, — ответила прохладно, — и пока не собираюсь бросать.

— Твое «пока» несколько обнадеживает, — удовлетворенно кивнул он, совершенно неправильно истолковав мои слова.

— Может, уже хватит про работу? — мне кусок в горло не лез от этих родительских разговоров.

— Конечно, хватит! — с готовностью встрепенулась мама и тут же выдала следующий вопрос на эту же тему: — Как там коллектив? Подружилась с кем-нибудь?

Ага. Друга детства встретила. Тюленя!

— Еще не успела, — ответила уклончиво, — да к тому же я работать пришла, а не болтать целыми днями

— Правильно! Но с девочками надо найти общий язык.

С девочками? Да там коллектив на девяносто процентов мужской! Но об этом я точно родителям не скажу. В их представлении я до сих пор думаю, что детей в капусте находят и вообще девочка-цветочек, ни разу ни динь-динь. И неважно, что мне уже двадцать пять. Приличные девочки вообще до свадьбы не целуются. Поэтому всех своих кавалеров я от них старательно прятала.

— Непременно найду!

— Умница! А к нам в субботу придет Юлия Ивановна, — как бы невзначай упомянула маман, и я едва сдержалась, чтобы уткнуться носом в тарелку.

— Зачем? — спросила обреченно, хотя и так все ясно.

Юлия Ивановна работает в одной школе с родителями, преподает алгебру и геометрию, и у нее есть сын. Чудеснейший! Метр пятьдесят, в очках, щербатый. Но говорит на пяти языках, увлекается бальными танцами, к месту и не к месту цитирует Евгения Онегина, в уме берет сложные интегралы и с подачи своей маменьки считает себя неотразимым мачо.

Мои родители тоже убеждены, что он — прекрасный принц, ходячее воплощение девичьих грез. Умный, интеллигентный, начитанный, воспитанный. Просто идеальная партия для их дочурки, то есть для меня. То, что он омерзительно чавкает, занудливый до отвратительности, и с прыщами на руках, а может и еще где-нибудь — это ерунда.

Главное — мозг.

Нет, я согласна с утверждением, что самая сексуальная часть тела у мужчины — это мозги. Но не настолько же.

Да на фоне этого принца Северный Олень школьных времен — просто Ален Делон, а про нынешнего — вообще молчу.

— Она обещала прийти вместе со Стасиком, — умиленно улыбаясь, сообщила мама, явно рассчитывая на сокрушительный восторг с моей стороны.

— То есть опять придется проветривать после его носков?

— Дина! Как тебе не стыдно?! Приличные девушки про такие вещи не говорят!

— Ладно, не буду, — пожала плечами, — вам с ними сидеть. Меня в субботу не будет дома.

— То есть как не будет? — тут же вступил в разговор отец.

— Вот так. Работа, — развела руками, — я в отчетный период пришла, поэтому придется выходить внеурочно.

— Что за глупость? Это ерунда, а не работа! Бросай!

— Не могу, пап! Ты же сам учил меня быть ответственной, не бросать начатое дело на середине. Вот я и стараюсь.

— Он запыхтел сердито, а я преданно в глаза ему смотрела, дескать, с радостью бы пришла, но судьба-злодейка против моего воссоединения с принцем. — Все. Папа, мама, спасибо за ужин, мне пора. Я очень устала, хочу прилечь.

— Иди, дочка, — выдохнула мама, тщательно скрывая недовольство.

Похоже, сегодня она честно вознамерилась быть «хорошей» до самого конца. Как только не разорвало беднягу.

Я сбежала к себе в комнату, прикрыла дверь, чтобы не мешал телевизор в гостиной, взяла новую книгу и завалилась на кровать, намереваясь остаток вечера ни о чем не думать, просто отдыхать. От Северных Оленей, от родительской критики, от Стасиков, которых настойчиво пророчат мне в мужа.

Устроившись поудобнее, наконец, рассмотрела вблизи книгу, прихваченную из офиса. Мягкая ядовито-желтая обложка, на которой изображена женщина с чудовищно волосатыми ногами, повергшими меня в ступор. Ну... такое себе начало. Решила сразу крест на шедевре не ставить, а немного полистать, посмотреть, что к чему. В результате через три минуты смеялась, зажимая рот рукой, дабы не привлекать к себе внимания. Маменьке категорически нельзя такое показывать — не оценит. Ей, выросшей на интеллектуальном юморе Жванецкого, вряд ли зайдут шутки о волосатых ногах и прочих прелестях женского организма.

Я оказалась не так возвышена, как учитель высшей катего-

рии с многолетним стажем работы, поэтому мне зашло. Хихикала, как дурочка.

Основной смысл книги — бодипозитив. Корреспондентка красочно описывала сложности обитания в женском теле, раскрывала «тайны», которые все мы предпочитали прятать от посторонних глаз, потешалась над нашими проблемами. Забавно. Пользы никакой, но настроение себе подняла, даже неприятный осадок после первого рабочего дня исчез. Начитавшись вдоволь, книгу отложила, удовлетворенно вздохнула и легла спать, уверенная, что все наладится. Не завтра, так послезавтра. Все будет хорошо.

Только спокойной ночи у меня не вышло. Мне снились сны. В основном — про волосатых женщин. То за мной бегала мадам с ногами, как у йети, то у меня самой вырастали усы а-ля Пикассо. И все в таком же стиле.

Проснувшись, судорожно схватила за свое лицо, опасаясь, что за ночь выросла борода, и когда нащупала гладкие щеки, облегчению не было предела.

Сама виновата. Нечего всякие глупости на ночь глядя читать!

На работу собиралась под пристальным и, конечно, недовольным взглядом родителей, старательно делая вид, что не замечаю этого. Впрочем, завтрак в рот не лез, особенно когда они как бы невзначай начали обсуждать неудачников, которым не хватило мозга найти нормальную работу, и они были вынуждены устроиться девочками на побегушках. Нет,

предки неисправимы. С их маниакальным желанием затащить меня в школу и создать педагогическую династию весь мозг мне уже исклевали.

Не доев завтрак, выскочила из-за стола и убежала в свою комнату, дескать, так опаздываю, что просто жуть. На самом деле со временем было все в порядке. Поэтому я неторопливо собралась, в этот раз особенно тщательно подбирая наряд. Хотя дресс-код на новой работе и не был объявлен, но не хотелось на фоне начальника выглядеть убого. Поэтому надела брючный костюм, взяла с собой туфли на каблуках выше обычного. Волосы собрала в высокий хвост, нарядилась чуть ярче обычного. Потом придирчиво осмотрела себя с ног до головы, покрутилась перед зеркалом и вышла из комнаты.

— Дина! — тут же раздался изумленный возглас мамы. — Ты зачем этот костюм надела? Мы же его для особых случаев берегли! Вдруг на конференцию какую-нибудь поедешь? Или собрание важное будет!

— У меня сегодня важное собрание, — ответила, не моргнув глазом, — надо произвести благоприятное впечатление.

— Я бы на твоём месте все-таки переоделась, — покачала она головой.

Я тоже покачала. Отрицательно. Мне хотелось выглядеть солиднее, чем обычно, чтобы одна венценосная особа в офисе посмотрела на меня без иронии.

Сопровождаемая материнскими причитаниями, выскочи-

ла из квартиры, как пробка из бутылки. Они меня достали! Как с цепи сорвались, стоило только устроиться на работу. Теперь из принципа не брошу, чтобы не доставить им такой радости!

По пути в офис рассеяно смотрела в окно, думала, что принесет сегодняшний день, как сложатся отношения с Северным, как убедить предков оставить меня в покое. А еще думала про вчерашнюю книгу. Хм, я бы тоже смогла такой шедевр написать, я тоже могу забавного рассказывать на эти животрепещущие темы.

Постепенно эта мысль вытеснила все остальные. Почему бы и нет? Мне всегда хотелось написать книгу, но не было идей, да и желания особого, а тут просто накрыло вдохновением.

Все. Решено. Шедевр у быть!

Глава 3

Дина

Не помню, как добрела до работы. Заняла свое место, предварительно заглянув в кабинет к начальнику. Его, как всегда, на месте не оказалось — где-то бегал по своим важным оленьим делам.

На работе почему-то не получалось сосредоточиться, мысли все равно скатывались в сторону бредовой задумки с книгой. Вот у меня всегда так: уж если увлекусь чем-то — все, туши свет. Пока идею в жизнь не воплещу — не угомонюсь.

Хм, а смысл писать то, что уже есть? Чем моя книга будет отличаться от той, что я читала на ночь? По сути, ничем. Очередные откровения неуклюжей феи, пытающейся изобразить из себя Мисс Женственность и Остроумие. Нет. Нужна какая-то изюминка! Изюмище! Что-то из ряда вон! Чтобы прямо у-у-ух — и премия по литературе мне досталась. Я бы стояла на сцене, плакала от радости, шмыгала красным носом и передавала привет маме, папе, собаке и Юлии Ивановне вместе со Стасиком.

— Кулакова! — раздалось вкрадчиво над самым ухом, и я, вздрогнув от неожиданности, чуть не свалилась со стула.

Начальник стоял прямо передо мной, опираясь руками на стол и наклоняясь ко мне так близко, что я смогла разглядеть

светлые лучики в серых глазах.

— Ты подключилась к информационному полю земли и зависла от переизбытка информации? — ласково поинтересовался он. — Или в твоей головешке с веселым воплем «иги-го» проскакал розовый пони, и ты на него залюбовалась?

— Что? Нет! — возмутилась, нервно поправляя волосы и мечтая провалиться сквозь землю. Клуша!

— Нет? — удивленно поднял темные брови. — Я повторил одно и то же три раза, а ты так и не услышала.

— Все я услышала! — соврала, предательски покраснев.

— Тогда повтори, — потребовал Антон и, мне осталось только расплыться в нелепой улыбке, демонстрируя идеальные зубки. — Понятно, — протянул он, недовольно качая головой, а я зависла, рассматривая его физиономию так близко.

Подумать только, это надо же так измениться! Молодец, сам себя сделал. Вышел из ампула толстого неудачника и достиг успехов и в карьере, и в физическом развитии. Уверена, что у него и в личной жизни все путем. Кольца нет, но давно ли это стало мерой популярности и успешности мужика?

— В общем, еще раз для самых внимательных и одаренных, — произнес медленно, почти по слогам, тщательно проговаривая слова, — созвонись с Инфо-стайл и уточни у них, на какой стадии подготовка и согласование техзадания. Если все готово, то надо будет съездить и забрать.

— Все поняла, — торопливо схватила за телефон, — сейчас все выясню.

— Надеюсь, — хмыкнул он и направился к себе. На пороге остановился и небрежно бросил через плечо: — Кстати, отлично сегодня выглядишь.

— Спасибо, — неожиданно у меня даже уши от удовольствия покраснели, а он никак не отреагировал на мое девичье смущение, просто ушел к себе и прикрыл дверь, чтобы никто не мешал.

Если бы мне в школе сказали, что я зардеюсь от удовольствия, получив комплимент от Северного Оленя, я бы в лицо рассмеялась. Но мы не в школе. Уже давно. И получить признание от такого мужчины, как Антон, очень приятно. Очень-очень.

Как же он изменился! Просто невероятно! Такой скачок от гадкого тюленя до мужика, на которого девушки пялятся, сворачивая шеи. Вот уж кто мог бы запросто написать книгу о том, как измениться, как вылепить из себя Аполлона!

И в этот момент меня осенило. Я буду писать книгу от мужского имени. Да! А в качестве консультанта у меня будет Северный! Решено! Осталось только как-то этот факт ему озвучить и заручиться поддержкой. А вот с этим, боюсь, будут большие проблемы.

До Инфо-лайна я дозвонилась далеко не с первого раза. Сначала долго слушала заунывную мелодию, потом меня перенаправляли от одного абонента к другому, и каждый раз

я заново объясняла, что мне от них надо. Наконец, судьба смилостивилась и вынесла меня на некого Степана, который занимался нашим вопросом. Мы с ним очень мило побеседовали, выяснили все вопросы, и он пообещал, что документы будут готовы завтра к полудню.

Довольная результатами переговоров, я решила порадовать Северного и ломанулась к нему в кабинет.

— Антон Дмитриевич, — радостно завопила прямо с порога, — я...

Он замахал на меня руками, призывая к молчанию, и я только заметила телефонную трубку, которую он прижимал плечом к уху.

— Нет, Алла. Я сказал нет! Да ты достала меня уже! Ни на ком я тут не пыхчу, я работаю. Кто у меня тут говорит? Помощница моя у меня тут говорит! Нет, она мне не помогает снимать напряжение в ходе тяжелого рабочего дня. Ни на столе, ни под столом! — Северный взглянул на меня и развел руками, как бы извиняясь. — Мне нет смысла тебя обманывать. Ты прекрасно знаешь, что у нас не те отношения, чтобы прятаться по углам, а потом лапшу на уши навешивать!..

Я попятилась назад, чувствуя, что при этом разговоре посторонние лишние. Какая-то нимфа выносила Антошке мозг, требуя его царского внимания.

— ...Стоять! — рявкнул он, прикрыв трубку ладонью. Я вздрогнула и испуганно замерла, с ногой, поднятой для ша-

га. Что ж так орать-то? — Все, Алла, пока, — прервал он женский писк, доносившийся сплошным потоком из трубки, и устало положил трубку на стол.

— Девушка? — поинтересовалась участливо.

— Не то чтобы девушка, — уклончиво ответил Северный,

— просто... эээ... ну...

— Временная зазноба, — подсказала вариант.

— Да. Что-то типа того, — согласился Антон и впервые за все время искренне улыбнулся.

Черт! У него ямочки на щеках!

Я понимаю эту временную зазнобу, которая на пыль исходит со своими подозрениями. Я бы то же, наверное, бесилась.

Хотя... Нет. Мужик, который в отношениях еще по сторонам успевает поглядывать, для меня сразу становится неинтересным. Прямо как отрубает. Или только я, или вперед и с песней на вольные хлеба. Никого никогда не держала и в дальнейшем не собираюсь. У меня в этом плане пример родителей перед глазами. Как бы сильно они ни доставали, ни ломали мне мозг со своими причудами, но для меня их брак — это эталон отношений. Со школы вместе, всегда друг за друга горой. Любовь, уважение, поддержка. И не по привычке, а искренне, от души.

Надеюсь, мне повезет, и я тоже встречу такую любовь, чтобы раз и на всю жизнь.

— Ты чего хотела? — поинтересовался Антон, задумчиво

меня рассматривая.

— Я? Ах, да! — вспомнила цель своего спонтанного визита. — До Инфо-лайна дозвонилась. Сказали, что завтра полудню будет все готово.

— Замечательно, — небрежный кивок и снова внимательный взгляд, под которым тушуюсь, — завтра надо забрать, нечего время тянуть.

— Хорошо, я съезжу, — с готовностью согласилась.

— Вместе съездим, — внезапно выдал он, вызывая у меня легкий ступор.

— Зачем? — выдала первое, что в голову пришло.

— Что значит зачем? — не понял Северный. — Что-то имеешь против?

— Нет, конечно, — тут же пошла на попятный, — просто вы такой занятой, вам наверняка некогда кататься туда-сюда.

— Ничего, прокачусь. Заодно развеюсь.

— Как хотите.

Пусть едет, раз ему так хочется. Мне же проще, не надо будет в транспорте толкаться. Вот только перспектива кататься с ним в одной машине почему-то меня смутила. И чтобы хоть как-то скрыть это смущение, я поспешно сбежала из его кабинета, мотивировав побег тем, что мне очень захотелось поработать, прямо очень-очень, аж ломка началась от внезапно нахлынувшего приступа трудоголизма.

Впрочем, порыв возделывать целину прошел сразу же, как я оказалась за своим столом, подальше от взгляда началь-

ника. Что-то он больно милый сегодня, небось пакость какую-нибудь задумал. А может, просто решил наладить трудовые отношения? Снять напряженность в коллективе? Не знаю, но отказываться не буду, мне еще книгу с ним писать. Шедевр про превращение Северного Оленя в гордого орла.

Остаток дня прошел относительно спокойно. Я бы даже сказала — скучно. Северного снова куда-то выдернули, и он появлялся в кабинете лишь наскоками, подкидывал мне очередное задание и снова убегал. Сроки горели. Ему скоро сдавать проект, а что-то было не готово. Я бы помогла с удовольствием, но беда в том, что ничего в этих проектах не понимала, а просвещать меня никто не торопился. Ощущение, словно столкнули в воду, бросили детский надувной круг и сказали «плыви как хочешь».

Я и плыла. Не быстро, но и не тонула, постепенно разбираясь в своей работе.

С документами мне помогла моя собранность и любовь к порядку. Наметанный взгляд хоть и не практикующего, но все-таки педагога, в мгновение ока находил ошибки и несоответствия. Оставалось только править, где-то что-то добавлять, а где-то убирать. Так что ничего сложного, главное — внимание и концентрация на деле, и все будет в порядке. С переговорами по телефону я тоже более-менее разобралась. Написала себе длинную памятку с необходимыми телефонами клиентов, технических служб и сотрудников и

всегда держала под рукой, чтобы в случае чего можно было быстро среагировать на просьбу-приказ начальника.

Следующим этапом было знакомство с коллективом. Здесь все было совсем просто. Большая часть сотрудников — молодые люди. Компьютерные гении разных мастей. Кто-то азартный и веселый, а кто-то прямо совсем... гений, не замечающий ничего, кроме экрана перед собой.

Пользуясь тем, что с последним заданием Северного был покончено, я решила пройтись по залу, пообщаться с коллегами. У одного постояла, восхищенно наблюдая за работой, за тем, как пальцы, словно молнии, летали над клавиатурой. Потом возле второго, восхитившись умением смотреть в сплошное полотно непонятных символов и находить там ошибки и слабые места. Третий с увлечением рассказывал мне о любимом языке программирования. Я ни черта не понимала, но старательно улыбалась, думая, как бы от него улизнуть, пока он не понял, что зря передо мной распыляется на компьютерные темы.

Спас меня, как ни странно, Антон.

— Кулакова, ты что здесь делаешь? — спросил грозно, появившись передо мной словно черт из табакерки.

— Знакомлюсь с коллективом, — ответила максимально правдиво, при этом преданно заглядывая ему в глаза.

— Тебе нечем заняться? — насупился он, не проникнувшись моим рвением.

— Есть. Я просто на минуту прервалась. Хотела посмот-

реть, что тут и как...

— Все, перерыв окончен, тебе деньги платят не за то, чтобы ты тут хвостом мела, — он был явно недоволен моей прогулкой.

— Ничем я не мету!

За нами с интересом наблюдали коллеги, а я смутилась из-за того, что меня при всех отчитывали, причем ни за что!

— Все, пойдем, — указал рукой в сторону своего кабинета, и мне не оставалось ничего иного, кроме как отправиться в указанном направлении, а он, как конвоир, шел следом.

Вот же Олень! Прибежал, копытом постучал, включил сурового начальника, а мне и возразить-то нечего, я ведь просто рядовой сотрудник, да к тому же не слишком ценный. Таких помощников он десяток найдет, если захочет.

Плюхнулась на свой стул и в компьютер хмуро уставилась, мстительно подумывая, а не написать ли мне вместо задуманного шедевра мемуары о том, как вместе со мной в школе учился противный Тюлень? Распечатать и распространить по всему офису. Пусть народ радуется. Пусть узнают, с кем имеют дело. А то ходит тут такой нарядный и красивый и командует! Причем только мной, а со всеми остальными просто милейший парень! Я бы ему и в лицо высказала все что думаю, но боюсь, мой испытательный срок тут же закончится словами «Пошла вон», а мне «вон» никак нельзя, у меня дома родители только и ждут, когда я отступлю, сбегу, не справившись с трудностями, и приползу к ним с повинной.

Что ж, буду терпеть, молчать, набираться опыта.

Попробовала сосредоточиться на работе в надежде, что так быстрее закончится рабочий день, но меня отвлек посторонний шум — настырный цокот каблуков. Это что за кобыла заскочила в царство компьютерных гениев? Привстав со своего места, в дверной проем увидела огненноволосую высокую барышню модельной внешности, которая шла по проходу с такой физиономией, будто она по крайней мере коммерческий директор этой богадельни и сама, из своего кармана, платит всем этим бедолагам.

Я сразу поняла, что цаца пришла к Северному. Не знаю как, но почувствовала, что это та самая зараза, которая выносила ему мозг по телефону, и что он не обрадуется ее появлению, поэтому грозно спросила, когда она оказалась рядом с моим рабочим местом:

— Вы к кому?

Цаца смерила меня взглядом типа «кто ты, убожество?» и попыталась пройти дальше, но меня такими взглядами не проймешь, я из семьи матерых учителей. Поэтому, ловко вскочив со своего места, перегородила ей дорогу, грудью защищая спокойствие начальника.

— Вам туда нельзя!

Девушка только изумленно подняла брови и шагнула в мою сторону, по-видимому, намереваясь раздавить своими буферами, которые как раз росли на уровне моих глаз и привлекали к себе внимание.

— Милочка, займись своей работой и не мешайся под ногами! — недовольно выплюнула она и попыталась отодвинуть меня в сторону.

— Еще шаг, я и проколю ваши надувные шары! — схватила в руки скрепку и выдала первое, что пришло в голову. — То-то грохоту будет!

Видели бы меня сейчас родители... Мама бы хлопнулась в обморок, в этот раз по-настоящему, а папухватила бы кондрашка. Чего только не сделаешь ради спасения Тюленей.

Антон

Чего я на нее взъелся? Подумаешь, общается, смеется с моими парнями программистами, что такого? Мы все здесь любим посмеяться, это никогда не возбранялось, хорошее настроение — залог успешной работы. Но сегодня, стоило только увидеть, как она сидит на стульчике и весело дергает ногами, меня словно откинуло назад, в чудесные школьные годы. Я помню, как заходил в класс, а Кулакова сидела на первой парте и так же своими копытцами трясла, а вокруг нее целая толпа терлась. Обычно в этот момент прилетал какой-нибудь неприятный комментарий в мой адрес, все смеялись, а я мысленно представлял, как варю ее в большом котле, помешивая огромным половником, она орет, пытается вырваться, а я ее топлю и дальше помешиваю.

Вот они где комплексы-то спрятаны! Выползли наружу, стоило только ей появиться в поле зрения! Ну уж нет, так

дело не пойдет! Я их перерос, комплексы эти. Просто надо поставить галочку, закрыть гештальт и дальше идти, весело насвистывая.

Завтра этим и займусь! Надо брать Кулакову в оборот, пока я ее окончательно не запугал своими заскоками. Вот поедем в Инфо-лайн, и начну боевые действия, а пока... извиниться, что ли?

Не успел я подняться с места и сделать шаг, как дверь в кабинет распахнулась, и ко мне ввалилась Алла. Как она сюда пролезла? Я же предупреждал охранников внизу, чтобы без предварительного звонка никого в офис не пропускали!

Лаврентьева, как всегда, в боевой раскраске. Глаза подведены темными тенями, губы ярко напозажены. Узкая юбка так плотно обтягивает ее бедра, что, кажется, еще миг — и ткань разойдется, оголяя телеса, а черные ботфорты на такой высокой шпильке, что непонятно как она вообще на них умудряется стоять, не то что ходить.

— Антон Дмитриевич, — у нее за спиной прыгала мелкая, но боевая Дина, — я пыталась ее остановить, но она угрожала, что сожрет меня! А у нее такие надутые вареники, — моя помощница театрально выпятила губы вперед, — что мне стало страшно. Так что вы уж сами тут справляйтесь! Я в вас верю!

Алла аж позеленела от злости, а я чуть не рассмеялся. Молодец, Кулакова, не растерялась! Динка стрельнула еще раз на мою посетительницу сердитыми глазёнками и ушла, за-

хлопнув дверь.

— То есть вот это твоя помощница?! — Алка указала на-
маникюренным пальцем себе за спину.

— Да.

Я хмуро посмотрел на свою... как там Дина сказала? Вре-
менную зазнобу? Очень точное определение, и время этой
зазнобы, похоже, подходит к концу, слишком часто она ста-
ла позволять себе такие выходки, решив, что никуда я из ее
когтистых лапок не денусь.

— Она тупая!

— С чего ты взяла?

— Я ей сказала, что ты меня ждешь, а она уперлась, как
коза твердолюбая, и не хотела меня пропускать.

— Твердолобыми бывают овцы.

— Это одно и то же! — сердито припечатала она, надув
свои... вареники.

— Как знаешь, — пожав плечами, не стал вдаваться в объ-
яснения различий между мелкими парнокопытными.

— Уволь ее немедленно! — Лаврентьева требовательно
топнула ногой.

— И не подумаю, я ее только принял.

Но Алка вошла в раж, возомнив себя моей женой и вла-
делицей фирмы, которая вправе всем указывать:

— Ты должен ее уволить!

— Алла, ты забываешься, — произнес мрачно, и что-то в
моем тоне заставило ее заткнуться и тут же сменить линию

поведения.

— Милый, но она же хамка!

— Она тебе нахамила?

— Да! Представь себе, сказала, что она не может пропустить такие цистерны, — указала себе на грудь, — потому что потом ей не хватит сил, чтобы выкопать начальника из-под завалов!

Не ржать! Терпеть! А перед глазами картина, как Дина орудует лопатой, пытаясь откопать меня... заваленного цистернами. Я сказал — не ржать!

Лаврентьева своей грудью гордилась. Меня тоже все устраивало до того момента, как она в очередной раз легла под нож и сделала себе импланты а-ля Памела Андерсон. На одну титьку лег, второй прикрылся. Теперь из-за угла сначала показывалась грудь, а потом появлялась сама Алка. Так что насчет завалов Дина в чем-то права.

— Она больше так не будет, — произнес с максимальной серьезностью, на которую был способен в этот момент, а потом холодно поинтересовался: — Зачем ты пришла? Устроить очередной скандал? Проверить, один ли я?

— Да, — она недовольно выпятила губы, но, увидев, как я нахмурился, пошла на попятный, — то есть нет.

— Ты меня уже достала! — в сердцах хлопнул ладонью по столу и отвернулся от рыжей бестии.

Она сначала замолкла, а потом растеклась в кокетливой улыбке и шаловливо начала шагать пальчиками по столу в

мою сторону:

— Антош, ну не дуйся! И... раз ты тут, как приличный мальчик, скучаешь в гордом одиночестве, я готова тебя порадовать, — откровенный взгляд, полный развратного обещания.

Вот только этого мне не хватало! На работе надо работать, а не «радоваться», раскладывая девиц на столе! Я уже открыл рот, чтобы посоветовать ей идти в далекие дали со своей радостью, но меня опередили. Дверь распахнулась, и на пороге стояла неугомонная Дина с подносом, на котором дребезжали две кружки кофе.

— Экспресс-доставка, — бодро улыбнулась и, бесцеремонно зайдя внутрь, боком оттеснила от стола растерявшуюся Алку. Выставила кружки и отрапортовала: — Все как вы просили!

Я, конечно, ни черта у нее не просил, но кофе пришлось весьма кстати, я в него вцепился, отгораживаясь от навязчивой посетительницы. Но самовольное появление Кулаковой, к счастью, сбilo с Аллы игривый настрой. Она стояла, сердито сопя и хлопая глазами, и не знала, что делать дальше. Потом раздраженно взяла кружку и отхлебнула, презрительно сморщив точеный носик, а спустя минуту снова с интересом начала поглядывать в мою сторону.

— Да, кстати, Антон Дмитриевич, вас там зовут! — донесся голос помощницы из-за дверей спустя пару минут. — Что-то срочное!

Лаврентьева недовольно зашипела, а я подорвался со своего места:

— Все, Алла, мне пора!

— Но...

— Я позвоню. Вечером. Можешь допивать кофе, выход найдешь сама!

— Вот еще! Я к тебе пришла, а не для того чтобы жижу эту вонючую пить! — фыркнула она и вперед меня направилась к двери, а я облегченно выдохнул.

Все, пора завязывать с этим общением. Она реально начала утомлять.

На прощание клюнув ее в щеку сухим поцелуем, я бодрыми скачками подорвался в центральный зал, всем своим видом изображая крайнюю занятость. Склонился над Вадькиным экраном и произнес сурово:

— Ну, что тут у нас стряслось?

Вадим только уставился на меня с открытым ртом, но, натолкнувшись на предупреждающий взгляд, проямлил:

— Да вот, не запускается.

— Сейчас разберемся, — я склонился еще ниже и провел в такой позе незнамо сколько времени, даже в спину вступило, пока не услышал шепот коллеги.

— Антон Дмитриевич, все. Ваша рыжая ушла.

— Да? — встрепнулся, оглядываясь через плечо. Так и есть. Алла испарилась, оставив после себя терпкий шлейф дорогих духов. — Фу-у-у-у-ух.

Такого облегчения я давно не испытывал. Потрепав сотрудника по плечу, пошел обратно к себе, а парни провожали меня понимающими взглядами. Алка уже не первый раз прорывалась в офис и пыталась навести здесь свои порядки. Каждое ее появление как взрыв на макаронной фабрике — громко, кучеряво и абсолютно бестолково.

— Зайди ко мне, — бросил коротко, проходя мимо Кулаковой, склонившейся над листом бумаги, — немедленно.

Она скользнула следом за мной в кабинет и, смиренно опустив голову, встала у стола.

— Что это было? — поинтересовался, напустив на себя суровости, а Дина только горестно вздохнула и еще ниже голову опустила. Разве что не начала носком туфель пол ковырять. — Я жду ответа.

— Мне надо было как-то вас спасти, — развела руками, — пока любительница вареников не надругалась над вами самым жестоким образом.

— Никто надо мной не собирался надругиваться, — еле держался, чтобы не рассмеяться.

— Еще как собирался, — Дина убежденно кивнула, — я это еще на подходе поняла, когда она появилась в приемной. Поэтому стала вас спасать. Тем более вы об этом так молили.

— Чего? — не понял я. — Это когда это я о таком молил? Не было такого!

— Было-было. У вас прям в глазах светилось: спаси меня Кулакова, спаси! Не оставляй меня на растерзание этому

монстру!

Снова чуть не рассмеялся. Кто бы мог подумать, что в школьной зазнайке столько дури скрывается. Думал, там глухо как в танке, скучно и однообразно. Ан нет! Похоже, наше общение будет интересным.

— Ладно, за спасение, так и быть, спасибо.

— Да на здоровье! — она расплылась в улыбке. — Но девица у вас просто атас. Такой только...

— Давай не будем обсуждать моих девиц.

— Как скажете. Я пойду работать?

— Иди.

Дина ушла, а я связался с охранниками внизу, еще раз настоятельно потребовав, чтобы без моего личного разрешения никого в офис не пропускали, особенно рыжих обладательниц необъятной силиконовой груди. Мне такие сцены на фиг не сдались, и вообще сегодня была последняя капля в безграничной чаше моего терпения. Эти недоотношения меня утомили. Толку никакого, одна нервотрепка.

Может, и зря Динка со своей самостоятельностью вмешалась, я бы и сам избавился от Аллы, только вышло бы громко и со скандалом. Но зато насовсем.

Дина

Дома меня, как всегда, ждал бой. Родители посовещались, выработали новую стратегию действий и снова пошли в наступление. Вот неугомонные!

Папа решил включить суперсурового батю и изъяснить мне свою отцовскую волю непререкаемым тоном.

— В субботу ты никуда не идешь! — сердито ударил кулаком по столу, так что у меня ложка в кружке зазвенела.

— Пап!

— Я все сказал! Никакой работы! Мы тебя холим, лелеем, а в ответ никакого уважения. Вон мать до чего довела! Она сегодня весь день в слезах, с давлением, с сердцем!..

Маменька скромно сидела на краешке табуретки и с видом самого больного человека в мире и из последних сил ковырялась в тарелке. Если бы ни здоровый смачный румянец на щеках, я бы, наверное, даже поверила такому спектаклю.

— ...Хочешь, чтобы она слегла на нервной почве? В больницу загремела? — отец продолжал сотрясать воздух, с каждой минутой распаляясь все больше.

— Пап, но у меня дела...

— Дела? Неужели так сложно сделать приятное родителям и провести тихий семейный ужин дома?

— Семейный? Тогда причем здесь ваша Юлия Ивановна со своим недорослем? — справедливо возмутилась я. — Что-то я не припомню между нами родственных связей.

— Будет! — категорично ответил отец, пронзая меня страшным взглядом аки Зевс. — Ты уже взрослая девица! Пора остепениться и подумать о семейном уюте, детях. Мы с матерью внуков хотим.

Эх ты ж е-мое, внуков они хотят! А вместо меня не хотят

их со Стасиком сделать? Я как представляю эти потные ручонки на своем деле, так дурно становится.

— Будут вам внуки... когда-нибудь... позже, — ответила уклончиво.

Тема нашего разговора нравилась мне все меньше и меньше. Когда там у меня первая зарплата? Уже можно подыскивать квартиру? Я хочу жить отдельно и пускать к себе домой по пропускам и строгому фейс-контролю, чтобы ни один Стасик не просочился.

— Дина, пожалуйста, — прошелестела мать, накрывая мою ладонь своей рукой, — просто приди и посиди с нами часик.

В глазах печаль вселенского масштаба, и даже слезинка одинокая на ресницах повисла. Вот актриса! Ладно, черт с вами! Пусть будет ужин. Все равно не отстанут, сколько ни отпирайся.

— Хорошо, мамочка! Я буду дома, — пообещала с тяжелым вздохом.

Чего только ни сделаешь ради любимых родителей, которые так бессовестно пытаются манипулировать. А подбором квартиры я все-таки займусь... Съеду от них после Нового Года.

Глава 4

Дина

— Готова? — поинтересовался Северный, выходя из своего кабинета.

— К чему? — после разговора с родителя полночи не спала, поэтому была в состоянии легкого мыслительного запора.

— Нам в Инфо-лайн ехать, — напомнил Антон, спокойно рассматривая меня, — бурная ночь выдалась?

— Что? Нет, — покачала растеряннo головой, поднимаясь со своего места, — заснуть не могла. Много думала.

— Похвально. Отличная способность. Редкая, — улыбнулся Северный. Как-то по-простому, без гонора и взглядов свысока.

И такой он классный был в этот момент, что я растаяла. Пришлось срочно отворачиваться, чтобы большой босс этого не заметил.

Мы вышли офиса — он впереди, а я чуть отстала, путаясь с молнией на куртке.

— Справишься ли? — поинтересовался Антон, наблюдая за моими потугами.

— Да, — сдула с носа прядь, выбившуюся из-под шапки, съехавшей набекрень, и дальше продолжила ковыряться.

В молнию попала подкладка, и у меня никак не получалось ее вытянуть.

— Помощь нужна? — предложил без тени иронии начальник.

— Как вы себе это представляете? — я не смогла сдержать улыбку. — Встанете передо мной на колени и будете, высушив язык, расстегивать на мне одежду?

— Кулакова, — произнес, едва не смеясь, Северный, — ты сама-то поняла, что сказала? Я, конечно, могу тебя порадовать на коленях и с высунутым языком, но не в рабочее время и не в лифте.

— Я не это хотела сказать! — по щекам побежал смущенный румянец, а в голове сложилась очень двусмысленная картинка

— Да понял я! Расслабься, — едва слышно рассмеялся Антон, — просто не смог удержаться. Иди сюда.

Пребывая в сомнениях относительно его дурных помыслов, я не торопилась подходить ближе. Стояла, как истукан, хмуро рассматривая его довольную физиономию.

Начальник смотрел открыто, не отводя взгляда, и явно забавлялся ситуацией.

Да что я, в конце концов, как маленькая? Сама ляпнула не пойми что, а теперь выпендриваюсь! Хочет помочь — пусть помогает, что такого?

Кивнула и смело ступила к нему:

— Вот.

Северный больше ни слова не сказал, склонился над моей покоренной молнией и справился с ней за долю секунды.

Я только моргнуть успела и почувствовать, как странно сдавило в груди, потом в животе, а потом мурашками пришлось по ногам.

— Прошу, — широким жестом, указал на куртку, — можешь не благодарить!

— Я и не собиралась, — громко фыркнув, гордо задрала нос и застегнулась до самого верха.

— Ишь ты какая, — снова улыбнулся Антон, — суровая.

— А то! — хмыкнула, выходя следом за ним из лифта и чувствуя странное волнение.

Северный, конечно, видный мужик, но не настолько, чтобы растаять в его присутствии. Или настолько? Это вопрос занимал меня все больше и больше. Особенно, когда оказались с ним в одной машине — он за рулем, я рядом.

— Ну, рассказывай, Кулакова, чем занималась все это время? — поинтересовался он, не отводя взгляда от дороги.

— Училась, — ответила гордо.

Но вместо восхищенного взгляда мне достался удивленный:

— Все это время?

— Да. Я аспирантуру закончила, защитилась. Кандидат педагогических наук, между прочим! — гордо похвасталась своими заслугами перед отечеством.

— Молоде-е-ец! — протянул Антон, так и не взглянув на меня. — Довольна?

— Более чем! — я ожидала более одобрительной реакции

с его стороны, поэтому немного растерялась.

— Что же ты не пошла работать по специальности? Учить уму-разуму детишек, вкладывать умное, вечное в их головы?

— Тридцать обалдуев и каждый на своей волне... Да ни за что! — призналась без зазрения совести.

Вот тут он все-таки удивленно на меня взглянул:

— Зачем же столько времени потратила на учебу, раз не собиралась оставаться в педагогике?

Я и сама давно этим вопросом задавалась. Ответ был очевиден и совершенно не радовал своей простотой.

— Потому что родители настаивали, — я без сожаления озвучила очевидную правду и грустно вздохнула. — Только из-за них.

— М-да, — хмыкнул он, — может, они тебе и одежду подбирают? Женихов? — Мое смущение не осталось незамеченным. — Ну ты даешь! В жизни бы не подумал, что ты такая. Вроде бойкая, а от мамкиной юбки отойти боишься.

— Не боюсь я ничего! Разве плохо, что я считаюсь с мнением родителей?

— Нет. Не плохо. Родители — это святое, — уверенно согласился Антон, — но у них своя жизнь, а у тебя своя. И вряд ли ты проживешь ее счастливо, если всегда будешь опираться только на мнение отца и матери. В общем, скучно ты живешь, Дина. Скучно.

— Я знаю, — тяжело вздохнув, повесила нос, но потом воспрянула духом, — но я надеюсь, что скоро все изменится.

— Серьезно? И что же этому поспособствует?

— Я квартиру подыскиваю. Хочу съехать от них.

Зачем я делюсь с ним планами на жизнь? Можно подумывать, ему не все равно!

— Похвально. Девочка большая, уже можно жить самостоятельно, — то ли поддержал, то ли подколот начал начальник.

— А вам лишь бы поиздеваться надо мной!

— Я, конечно, понимаю, субординация и все такое, но давай-ка на «ты», а то я начинаю чувствовать себя старым дедом.

— Ты не старый, — я запросто поддержала его инициативу. Мне самой надоело ему выкать.

— Спасибо за поддержку, — склонился в шутливом поклоне, бросив на меня быстрый взгляд, — а то я уже начинал в себе сомневаться.

— Все-таки издеваешься?

— Ты что! Мы же с тобой как родные. Столько лет в одной школе, в одном классе, — продолжал веселиться Северный.

— Еще скажи — за одной партой, — фыркнула и отвернулась.

— Слава богу нет. Боюсь, такого счастья я бы не выдержал, — не скрывая иронии, он покачал головой

— Я тоже. Ваше... твоё школьное общество меня немного напрягало.

— А теперь?

— Что теперь?

— Теперь не напрягает? — посмотрел серьезно Антон.

— Нет, — я только плечами пожала. Чего врать-то? Не только не напрягало, но и очень даже нравилось, — и это странно.

— Это еще почему?

— Я до сих пор в шоке от того, как ты изменился.

— Значит, ты у нас дама, падкая на яркую обложку? — хмыкнул чуть пренебрежительно.

— Нет, но...

— Что но?

— За твоим жутким школьным образом не было шансов разглядеть...

— Что именно? — Северный продолжал приставать ко мне с неудобными вопросами.

— Да вот это все, — раздраженно пальцем его контуры обвела, — ты же мог быть нормальным. Если бы захотел! Мог бы избежать конфликтов и с классом, и с учителями.

— Мне не хотелось быть нормальным. Это был мой подростковый бунт. Потом просто надоело бунтовать, и в итоге все поменялось.

— Поделишься секретом, как тебе это удалось? А я за это книгу о тебе напишу, — предложила осторожно, озвучивая свои творческие планы.

— Нет уж спасибо! Без книги обойдусь! — рассмеялся он, заставляя скрипеть зубами от досады.

Ну и ладно, сама напишу. Без его помощи! Где-то пона-

блюдаю. Где-то пофантазирую. Он еще потом спасибо скажет, когда явлю миру свой шедевр!

Антон

Все-таки хорошо, что мы поехали в Инфо-лайн вместе. Динка еще «зеленая», всех тонкостей не знала, поэтому пришлось просматривать документы самому. Косяков нашлось порядочно, пришлось кое-кого потыкать носом в нестыковки и заставить переделывать.

Кулакова в этот момент была рядом и сосредоточенно ловила каждое слово, училась, жадно вникая во все происходящее и делая пометки в блокноте. Когда я гонял нерадивого сотрудника Инфо-лайна, она уставилась на меня широко распахнутыми глазами, и даже вроде с восхищением.

Я сразу как-то надулся, включил смешанный режим «акула бизнеса плюс павлин обыкновенный» и разошелся не на шутку. Бросался умными словами, отчитывал, спрашивал грозно «Как можно?!». То есть усердно красовался перед Диной, пытаюсь произвести на нее неизгладимое впечатление крутого мужика.

Тьфу ты! Как подросток! Вот если бы я в школе так делал — это было бы уместно, а сейчас-то зачем? Я уже давно вырос из того возраста, когда надуваешь грудь, чтобы понравится женскому полу. Отругал себя за глупость, но стоило снова на нее взглянуть, как надулся еще больше.

— ...В общем, даю вам десять минут, чтобы все испра-

вить! — сурово произнес, окатив бледного, трясшегося, как осиновый лист, менеджера.

— Се... сейчас, — икнул он и, схватив в охапку все бумаги, бросился прочь.

— Жду! — сурово кивнул, сложив руки на груди, и, гордый собой, развернулся к Дине.

Она так и смотрела на меня, широко распахнув глазищи. Потом медленно подняла руки и сделала три размеренных хлопка.

— Bravo! — произнесла благоговейным голосом. — Даже меня проняло! Просто зверь! Зверюга!

Мне захотелось поклониться ей, как благодарному зрителю, но сдержался — надо же образ крутого босса поддерживать.

— Это моя работа, — поведал невозмутимо.

— Напомни мне тебя не злить, — усмехнулась Кулакова, и у меня закралось подозрение, что надо мной потешаются. Присмотрелся въедливо, но она уже уткнулась в свои записи. — Антон, нужно, чтобы мне провели мастер-класс, обучение — как хочешь называй. Я плохо разбираюсь в ваших компьютерных штучках. Мой уровень — уверенный пользователь. Но я легко обучаемая, быстро схватываю. Программистом, конечно, вряд ли стану, но вот с документами запросто разберусь, — она задумчиво покусывала кончик карандаша, — я, если честно, не совсем понимаю, как умудрилась попасть на это место.

Как, как... По блату, можно сказать. Я как ее резюме увидел, так сразу и подсуетился, хотя приходили и более подходящие опытные кандидаты, но в их отношении у меня не было коварных мстительных планов. А относительно Кулаковой были, правда, я периодически забывал об этом. Приходилось себе напоминать. Хреновый из меня мститель, но ничего, после сегодняшнего грозного выступления мы с мертвой точки сдвинемся.

— Можешь сам объяснить, что да как, — продолжала серьезно Дина, — а можешь прикрепить меня к кому-нибудь толковому на пару дней. Обещаю, я быстро во всем разберусь.

Ага, сейчас! Размечталась! Прикрепить ее к кому-нибудь! Чья помощница? Моя! Кто постарался, чтобы на работу взяли? Я! И учить тоже я буду! И все остальное — тоже я!

— Разберемся, — ответил сдержанно и хотел добавить, что сам буду ее учить, но тут вернулся сотрудник Инфо-лайна с переделанными документами.

— Вот, пожалуйста, — залебезил передо мной, протягивая еще теплые листы.

Я еще раз все проверил и, не найдя никаких косяков, поставил подпись.

— Вот сразу бы так! — взглянул на него сердито и, взяв бумаги, кивнул Кулаковой, чтобы она шла за мной.

Нас проводили до самого выхода, рассыпаясь в извинениях и выражая самые искренние надежды на дальнейшее пло-

дотворное сотрудничество. Надо же, стоило только хвосты накрутить, и сразу такой результат. Хм, надо взять на вооружение. Иногда быть строгим боссом полезно.

На обратной дороге мы попали в пробку — вывернули на один из центральных проспектов и встряли по полной.

— Эх ты ж, е-мое, — выдохнула Дина, растерянно ведя взглядом по длинному хвосту из разномастных машин, медленно ползущих вперед.

— И не говори-ка, — я бросил раздраженный взгляд в зеркало заднего вида и убедился, что путь к отступлению отрезан. Сзади уже понаехали машины, заблокировав нас в пробке.

И в довершение ко всему снова начался колючий дождь, усугубляя и без того сложную ситуацию на дороге. Автомобили аккуратно плелись друг за другом, старательно соблюдая дистанцию. Никому не хотелось «поцеловать» соседа в зад и застрять тут до окончания века.

— Что там случилось? — недовольно спросила она.

— Авария, скорее всего, — я только пожал плечами, смирившись с участью. Из пробки-хитрожопки уже никуда не деться, оставалось только ползти вперед, не нарушая общего потока, — погода вон какая. Какой-нибудь дятел торопился и не справился с управлением.

Дина замолкла на миг, а потом начала напевать себе под нос:

— Как-то раз в осенний хмурый день

Создал пробку в городе Олень.

Он летел по мокрой мостовой

И коротким путь был тормозной.

И вот пробил Олень

Двойное ограждение.

Видать, спешил Олень

В свою страну оленью... Что? — спросила паразитка с усмешкой, словив мой недовольный взгляд.

— Да ничего!

— Прости, я забыла, что ты очень трепетно относишься к оленям.

— А то! Это мое тотемное животное!

На пару с тюленем.

Наконец, мы подобрались к месту аварии. Большой темно-синий внедорожник уверенно въехал в разделитель и застрял напрочь, перегородив полторы полосы. Пока я маневрировал, объезжая ДТП, Дина припала к окну и жадно рассматривала произошедшее, не скупясь на комментарии:

— Вот это он въехал! Весь нос себе разворотил, эти металлические балки раскурочил. Торопыга! Ужас!

Я вполуха слушал ее причитания, пока протискивался в узкое горлышко между задом виновника ДТП и соседней, почему-то остановившейся машиной. Сразу после сложного места пробка рассосалась, и водители вжимали педаль газа до упора, стремясь наверстать упущенное время. Я тоже поднажал. Мне еще надо завершить неотложные дела. Не хоте-

лось, чтобы мысли о них камнем лежали на душе, отравляя предстоящие выходные.

Кстати, о выходных. Не знаю, у кого как, а у меня были конкретные планы.

— Дина, — обратился с усмешкой к своей спутнице, — как ты смотришь на то, чтобы в субботу куда-нибудь сходить?

Кулакова посмотрела на меня удивленно, будто на ненормального, пару раз хлопнула ресницами, а потом спокойно ответила:

— С удовольствием.

— Что? Серьезно? — как дурак, уставился на нее, но потом вспомнил, что я вроде как крутой босс, накрутивший хвосты нерадивому персоналу, и мне вроде как не по статусу такое удивление. Поэтому чинно кивнул и добавил: — Думал, испугаешься.

— С чего бы это? Ты не такой страшный, как хочешь казаться, — рассмеялась она, но потом смутилась и отвернулась к окну, — заедешь за мной часиков в семь?

— Да.

Вот так я пригласил ее на свидание. Дело сдвинулось с мертвой точки, и я стал на шаг ближе к воплощению в жизнь своих коварных планов.

Глава 5

Антон

Субботнее утро началось с того, что я начал ломать себе мозг над банальным вопросом: куда же сводить Дину? Перебрал в уме все привычные места и отмел их без сомнения. Там я был с Аллой и ее предшественницами, а с Кулаковой хочется чего-то другого. Осталось понять, чего именно: то ли детской кафешки, чтобы мороженое уплетать, то романтики в дорогом ресторане, то ли ароматного кофе в уютной кофейне.

Вроде простой вопрос, но я серьезно озадачился. Мне нужно было произвести неизгладимое впечатление, чтобы она прочувствовала всю прелесть нашего свидания и упала к ногам, как перезрелая слива.

Что там у нас еще для первого свидания?

Поездка по вечернему городу? Мы вчера до тошноты накатались.

Кино? Я хочу с ней пообщаться, а не в экран пялиться и жевать попкорн.

Ладно, пусть будет ресторан, там проще добиться состояния перезрелой сливы. Или груши. Как пойдет.

Тут раздался входной звонок, и я, погруженный в свои мысли о предстоящем вечере, распахнул дверь, даже не глянув в глазок.

Зря.

На пороге стояла Алла. Как всегда, при параде, готовая к открытым боевым действиям. Мне совсем не до нее, но пока я тупил, она, словно змея, пробралась внутрь квартиры:

— Привет, милый, — проворковала, прижимаясь ко мне всем телом.

Обвила шею холодными с улицы руками, так что меня передернуло, и попыталась варениками присосаться к моему рту. Я отпрянул, наступил на собственные ботинки, небрежно оставленные на коврике в прихожей, и едва не повалился на пол. Мне категорически не хотелось с ней целоваться, и от ее появления я не испытал ничего, кроме глухого раздражения. Это как будто мечтал о шоколаде, а тебе рыбий жир подсунули.

— Ты обещал позвонить и пропал, — она с наигранной обидой надула губищи.

— Да? — растерянно потер шею, пытаясь вспомнить, когда это было. Ах да, когда в офис без предупреждения пришла и пыталась пробиться в мой кабинет через упорную Кулакову. Я напрочь про свое обещание забыл. — Извини, — примирительно развел руками, прикидывая, как бы ее побыстрее выпроводить, — очень много работы. Все мысли заняты только проектами.

— Ты слишком много работаешь, — улыбнулась кокетливо Алла и подступила ближе ко мне, медленно, с чувством расстегивая черную модную дубленку.

Под ней платье, едва державшееся на объемной груди и с трудом прикрывавшее нижние тылы, так что край резинки от чулок выглядывал, весьма прозрачно намекая на игривое настроение хозяйки.

Мне не до игр. Я занят мыслями о том, как пройдет вечер с другой девушкой, а Лаврентьева меня отвлекала. Если она думала, что своим появлением и откровенным нарядом распалит во мне такую дикую страсть, что наброшусь на нее прямо в коридоре, не дав даже сапоги снять — то она глубоко ошиблась. Ни одна часть моего тела не дрогнула от такой красоты и не начала набухать, наполняясь живительной силой любви.

Надо гостью выпроваживать.

— Алла, ты не вовремя, — произнес прямо, без утайки и, задернув полы, начал застегивать пуговицы на ее дубленке.

Незванная гостья замерла, изумленно хлопая глазами, не в силах понять, что это такое творится, как это ее такую нарядную сразу в спальню не потащили и не осчастливили сеансом горячего секса.

— Антон! Ты чего? — вырвалась из моих рук и, гневно сверкая глазами, сердито ткнула пальцем мне в грудь. — Я к тебе через весь город ехала!

— Не стоило. Надо было сначала позвонить и спросить, не занят ли я. Нет ли у меня каких-то неотложных дел.

— Какие неотложные дела? Суббота!

— И что? Я и в выходные работаю, и по ночам.

— Так сделай перерыв, отдохни, — она снова начала расстегивать верхнюю одежду, но я перехватил тонкие запястья, — считай мое появление приятным сюрпризом.

— Я не могу. И не хочу, — ответил строго, — сюрприз не удался.

Алла попыталась сопротивляться, вырываться из моих рук, но я придавил ее плотнее, показывая, что никаких шуток. Она фыркнула и отступила, смерив меня взглядом оскорбленной царицы.

— Раньше тебе нравилось, когда я внезапно приезжала.

— Раньше да, но не сегодня.

Сегодня ты меня бесишь! Вслух, естественно этого не сказал, но весьма выразительно указал взглядом на входную дверь.

— Что, даже чаем не угостишь? Я замерзла с дороги.

— Прости, на чаепитие времени нет, — отказал без малейших колебаний. Ей только дай повод задержаться, потом не вытолкаешь, — но могу одолжить тебе свои ватные штаны. Они, правда, пованивают после последней рыбалки, но зато теплые. Вмиг согреешься.

— Северный! Ты хам!

— Алла, я сегодня не в том настроении, чтобы радоваться твоему внезапному появлению. У меня дела!

— А у твоих дел нет случайно титек? — въедливо поинтересовалась Алка.

Есть! Но я их еще не видел! Едкий комментарий остался

не озвученным.

— Я работаю! — снова повторил, грозно нахмурившись.

— Смотри у меня, работничек, — Алла подозрительно прищурилась, миг превращаясь в ревнивую собственницу, — если я узнаю, что ты с кем-то спутался...

— То даже не вякнешь, — холодно ее осадил.

Терпеть не могу вот такие замашки. Тем более на пустом месте. У нас не те отношения, чтобы позволять себе какие-то претензии, ревность, упреки. Неделю вместе, месяц врозь. И, похоже, что этот самый месяц начнется прямо сейчас.

— Северный, какой же ты гад! Бессовестный, наглый! Я к тебе летела как на крыльях, а ты мерзавца включил!

— Алла, — вздохнул, устало потирая шею, и напрямую указал на дверь, — иди уже давай. Я тебе позвоню. Когда-нибудь потом. Может быть.

— Думаешь, буду сидеть и ждать твоего звонка? — разозлилась Лаврентьева. — Как бы не так!

— Хорошо. Не жди, — равнодушно развел руками.

— Да уже завтра у меня будут новые отношения, такие, что тебе и не снились!..

Ха! А у меня сегодня! Я победил! Глупую улыбку сдержать не удалось. Увидев ее, Алла окончательно взвилась и бросилась к выходу:

— ...Между нами все кончено! Даже не думай мне звонить!

— Без проблем, — услужливо распахнул перед ней дверь,

выпуская на лестничную площадку, — счастливо оставаться.

— Катись ты к черту, Северный!

— Непременно.

Лаврентьева набрала полную грудь воздуха, готовясь разразиться самой настоящей тирадой, но я ее опередил. Бросил скромное «пока» и закрыл дверь.

Все. Одной головной болью меньше. И дело даже не в том, что на горизонте нарисовалась Кулакова, а в том, что Алла реально стала утомлять в последнее время, и, выпроводив ее, я испытал самое настоящее облегчение.

Прошел на кухню, налил себе кофе и выглянул в окно. Аллина машина все еще стояла у подъезда, девушка не торопилась уезжать. Наверное, обзванивала своих силиконовых подруг, жалуясь на парня-мудака, не оценившего ее по достоинству, или с оскорбленным видом ждала, когда же я спохвачусь, брошусь за ней и на коленях начну вымаливать прощение.

Обойдется!

Я не испытывал ни малейшего сожаления по поводу нашего расставания. Покувыркались и хватит, дальше каждый сам по себе. Не сомневаюсь, что уже завтра она с кем-нибудь утешится. Да и я грустить не собираюсь. Меня Кулакова ждет!

Я еле дождался вечера. Собирался так, будто это мое первое свидание в жизни. Сначала черный костюм надел — по-

казалось торжественно и мрачно. Снял. Надел светлый — совсем по-летнему и не солидно. Синий? Ладно, сойдет.

Волосы тщательно причесал, надеясь, что они, как обычно, не встанут, словно иголки у ежа. Одеколоном облился, аж глаза заслезились, часы дорогие надел, ботинки начистил до блеска. Я в жизни так не волновался перед свиданием. И было бы с кем! С Кулаковой! С этой школьной занозой! Тоже мне повод для волнения нашел! Это же не настоящее свидание, а ради коварной мести.

Исключительно ради мести!

Еще раз посмотрел на себя придирчиво, убедился, что все в порядке, и вышел из дома, предвкушая отличный вечер. Все будет супер.

Достав из кармана ключи, повернулся, чтобы квартиру запереть, и охренел.

— Твою... мать...

На двери ярко-алой помадой было написано «Здесь живет козел», чуть ниже изображен сам козел, если так можно назвать пучеглазое нечто с кривыми палками на голове, а вокруг кнопки звонка зачем-то пририсована неказистая сиська, совершенно не вписывающаяся в общую концепцию картины.

Я просто завис, разглядывая сей шедевр народного творчества. Какого...

Словно зомби сунул руку в карман пальто, выудил телефон и практически не глядя набрал номер.

— Да, Антош, — тут же раздался ласковый Алкин голос, словно она только и ждала моего звонка.

— Какого хрена ты творишь? — выдохнул в трубку, все так же рассматривая рисунок, украшающий мою дверь. — Это что за художества?!

— Я не понимаю, о чем ты, милый, — пропела она, явно испытывая мое терпение.

— Не понимаешь? Я тебя сейчас привезу сюда и заставлю все отмывать.

— Э нет, Северный. Я к тебе сегодня уже приезжала, ты меня прогнал, как вшивую собачонку, так что все — свободен. А мне некогда! Дела, понимаешь ли, — и отключилась, не дав мне и слова сказать.

Вот ведь... курица!

Мне к Дине пора, а оставлять такое на всеобщее обозрении нельзя. Соседи увидят — засмеют. Матерясь на все лады, ломанулсЯ обратно домой. Схватил первое попавшееся полотенце из ванны и начал оттирать вульгарно яркую помаду. С двери она сошла легко, одним движением, а вот титька на побелке сдаваться не хотела. Я тоже не сдавался, в результате развозил ее из стороны в сторону, и она стала похожа на кровавый подтек.

— Да ё... — бросил взгляд на часы. Времени впритык, а мне еще добираться через пол города.

Ладно, оставляю пятно до завтра.

Тут взгляд упал чуть ниже, и у меня чуть ли не пар из

ушей повалил — весь костюм, все мои начищенные ботинки в побелке. Я — как строитель, вырвавшийся с объекта. Заревел во весь голос, словно бешеный буйвол, и быстрее обратно — переодеваться. Уже не до идеальности, просто успеть бы. Костюм с одну сторону, ботинки в другую. На ходу запрыгнул в любимые джинсы, натянул пеструю кофту поверх рубашки и нащупал в тумбочки зимние кроссовки.

Алла, художница, мать ее. Увижу — убью.

Дальше все бегом, все вприпрыжку. В машину заскочил, стартовал так, что колеса по асфальту закрипели, и полетел на встречу с Диной. Настроение, конечно, испортилось. Весь мой идеальный план по превращению Кулаковой в перезрелую сливу стремительно летел псу под хвост. Хорошо хоть цветами заранее озадачился, и с дорогой повезло — ни одной пробки на пути не попало, и все светофоры приветливо встречали зеленым. Даже не заметил, как оказался во дворе у ее подъезда.

Схватил телефон, валявшийся на пассажирском сиденье, прокашлялся, ибо голос от волнения сел, и набрал ее номер. Спустя пару протяжных гудков послышался немного удивленный голос Кулаковой:

— Добрый вечер.

— Привет, — сам того не ожидая, я расплылся в дурацкой улыбке, — я подъехал. Спускайся.

Секундная тишина, а потом раздалось подозрительное:

— Куда ты подъехал, и зачем мне спускаться?

— Очень смешно, — добродушно проворчал я. — Выходи, давай. Жду тебя у подъезда. — В трубке послышалась какая-то возня, грохот и сдавленный писк. — Дина? — Снова писк, переходящий в мычание. — Все в порядке? — подозрительно поинтересовался.

— Анто-о-он, — простонала она сдавленно, — прости-и-и-и...

У меня аж в бок кольнуло от ее несчастного тона.

— Что там у тебя стряслось? — спросил строго, прохладно, уже чувствуя, что ничего хорошего меня не ждет.

— Я забыла, — горько покаялась Дина, — напрочь забыла о том, что собиралась с тобой идти. Прости меня, пожалуйста!

Зашибись! У меня даже бровь задергалась от такого поворота событий.

— И что? Собирайся и выходи. Я тебя подожду, — недовольно проворчал, поражаясь ее несобранности, — только живее давай. У нас столик заказан.

— Нет, Антон, — со вздохом ответила она, — извини, сегодня никак. Не могу.

Она издевается, что ли?

— Одевайся и выходи, — требовательно, с нажимом, чувствуя, как перед глазами красная пелена разливается. — Немедленно!

— Нет, не выйду, — сказала обреченно Кулакова, — понимаешь... у нас тут семейный ужин, я не могу уйти. Роди-

тели обидятся.

Да что за день сегодня такой? Сначала Алка веселье устроила, теперь вот Дина мозг полощет! Они сговорились, что ли?!

— Ты раньше меня предупредить не могла?

— У меня напрочь все из головы вылетело, — тихо пролепетала она.

Забыла! Капец, я тут весь день готовился, а она забыла! Врет! Сто процентов! Просто передумала идти!

— Знаешь что! Я сейчас поднимусь к тебе и присоединюсь к вашему прекрасному семейному ужину! — так завелся, что свой собственный голос не узнавал.

Это ж надо! Продинамить она меня решила!

Дина замолчала на несколько мгновения, потом хмыкнула и произнесла:

— А давай!

— Что давать?

— Поднимайся! Приглашаю, — в ее голосе почудилось какое-то смутное злорадство.

— Думаешь, не поднимусь? — набычился я, решив, что она издевается и хочет взять на слабо.

— Нет-нет, Антон, — торопливо сказала Кулакова, — я на полном серьезе. Приходи. Будет весело.

Я замолк, пребывая в полнейшем недоумении, даже сердито пыхтеть перестал, а Дина так жалобно, явно подлизываясь, протянула:

— Ну, пожалуйста! Приходи!

Хм, а почему бы и нет?

— Ладно. Какая квартира?

— Сорок семь! — радостно воскликнула она. — Домофон работает. Жду.

Я в растерянности почесал бровь, глядя на погасший экран и пытаюсь понять, какого черта это сейчас было, и, недоумевая, зачем согласился на эту авантюру. Но тут мысли повернули совершенно в неожиданном направлении.

Может, она неспроста к себе позвала? Может, семейный ужин — это просто повод, чтобы меня заманить? А на самом деле там никого нет, и ждет нас томный вечер, полный страсти и огня?

Едва подумав об этом, пулей выскочил из машины, схватил цветы в зубы и, как настоящий олень, поскакал к ее подъезду, на ходу отменяя столик в ресторане, попутно пытаюсь вспомнить, какие на мне сегодня труселя, нет ли на них дырок в области задницы и остался ли презерватив в портмоне. Бегом, перескакивая через три ступеньки, взлетел на третий этаж и только успел поднести палец к кнопке звонка, как дверь распахнулась.

На пороге стояла Дина, совершенно не похожая на порно-звезду, решившую заманить меня в свое развратное логово. Домашняя, не накрашенная, одетая небрежно — спортивный костюм с вытянутыми коленками и застиранная футболка.

— Эээ, — промычал, глядя на нее. Потом вспомнил про букет, что в руках держал, и тут же протянул ей, — это тебе.

— Спасибо, — Кулакова прижала его к себе и залюбовалась с такой теплой, рассеянной улыбкой, что я даже растерялся. Так и топтался на пороге, не зная, что делать. — Заходи, — спохватилась она и отступила, пропуская меня в дом.

Я, конечно, зашел, но основательно напрягся, когда с кухни послышался мужской голос:

— Дина, кто там?

Вопросительно уставился на Кулакову. Она только закатила глаза и раздраженно пожала плечами, едва различимо прошептав:

— Отец.

И вот тут до меня дошло, куда я на эмоциях влез. Это реально семейный ужин! Мама, папа и, судя по другим голосам, еще какие-то гости. И я такой красивый, с букетом, прям лучший друг семьи.

Надо бежать.

На дверь покосился, но предусмотрительная Дина уже заперла ее, да еще и цепочку повесила, чтоб наверняка отрезать пути к отступлению.

— Разувайся, — скомандовала она, а сама исчезла с букетом где-то в недрах квартиры.

Вот я встрял! Герой-любовник хренов! Лучше бы дома остался да сиську нормально со стены оттер.

Ботинки скинул, куртку повесил, но что делать дальше —

непонятно. Стоял в прихожей, ждал, когда хозяйка вернется. К счастью, Дина появилась всего через минуту, подошла ко мне со смущенной улыбкой и спросила:

— Ну что, готов?

«Не-е-е-ет!» — мысленно завопил, а в слух уверенно фыркнул, дескать, незачем глупости спрашивать. Готовей все готовых.

— Пойдем, — бесцеремонно схватила меня под локоть и поволокла на кухню. — Мам, пап, у нас еще гости! Знакомьтесь, это Антон... одноклассник.

К нам обернулись все. Строгий мужчина с сединой на висках, миниатюрная женщина с аккуратными кудряшками — сразу ясно, что это родители Дины, она неуловимо похожа на обоих. Еще одна женщина, недовольно посмотревшая на меня поверх очков в толстой оправе, и странный парень в жилетке поверх клетчатой рубашки и жидкими волосенками, размазанными по потному лбу. Он посмотрел на меня грозно, словно альфа-самец, на территорию которого я покушался. Даже забавно стало.

Дина представила всех присутствующих и растеклась в довольной улыбке.

— Всем добрый день! — произнес бойко, протягивая руку папане, тот ответил крепким рукопожатием, видать, сразу решив показать, что он грозный батя, а не хухры-мухры.

Я в долгу не остался, тоже пожал от души, потом развернулся к малахольному. Он одарил еще одним свирепым

взглядом и сжал мою пятерню своей потной ладонью из всех сил, даже вены на лбу вздулись. Захват у него, надо сказать никакой, я лишь чуть сильнее обычного придавил, как он ойкнул и начал вырываться. Подержал еще пару секунд, дабы акценты правильно расставить, и с радушной улыбкой отпустил:

— Приятно познакомиться.

Дина подставила табуретку и усадила рядом с собой, чем вызвала еще один приступ сопения со стороны парнишки. Что тут вообще происходит? Это ухажёр, что ли? Со своей мамой? Я на смотрины женихов попал? Вопросительно на Дину посмотрел, а она лишь смущенно плечами повела, будто извиняясь.

С моим появлением все притихли, неуверенно между собой переглядываясь, и только Дина, похоже, была искренне рада. Улыбалась от уха до уха и с упоением накладывала мне в тарелку салатки, не обращая внимания на недовольные взгляды семейства и гостей.

Отец смотрел на меня как суровый генерал на новобранца, мать улыбалась, но при этом глаза оставались холодными, как у змеи. Юлия Ивановна пылала праведным гневом, а Стас хорохорился, вел себя как напыщенный индюк, и выглядело это совершенно нелепо.

Странная компания.

Я тут явно был лишним, нежеланным гостем. Наверное, надо было извиниться и уйти, придумав вежливую причину,

но я не торопился. Потому что чувствовал тепло от девушки, сидевшей рядом, а еще буквально кожей ощущал пылающую границу, линию, по одну сторону от которой находилась Кулакова, а по другую — все остальные.

Это что за такой странный семейный ужин? Они все на Дину заседают? По какому поводу? Не хилый такой перевес в силах. Четверо против одной! Теперь понятно, почему она так старалась затащить меня в гости — поддержки искала. И видок ее неказистый тоже понятен стал. Бунтовала как могла. Бедная моя. Ладно, теперь нас двое, сейчас развлечемся. Раскрасим яркими красками скучный семейный ужин.

— Антон, — обратилась ко мне гостеприимная хозяйка, и я приготовился к каверзным вопросам, — я что-то не припомню вас на школьных фотографиях.

— Я не любил фотографироваться, — беспечно помахал вилкой с нацепленной на нее куском колбасы.

— Почему же? — она изящно, как птичка, клевала салатик, всем своим видом показывая принадлежность к интеллигенции.

— Страшенный был, как черт. Да, Дин?

Динка фыркнула, подавившись селедкой под шубой. Пришлось стучать по спине, наливать воды и отпаивать ее.

— И не говори-ка, — прохрипела, вытирая слезы, выступившие на глазах, — как вспомню, так вздрогну.

Ах ты, зараза мелкая! А сам чуть ли не ржу и продолжаю:

— Так что меня не звали ни на фотографирование, ни на

школьные вечера.

— Кто бы мог подумать. Просто сказка про гадкого утенка, — Кулакова-старшая поморщила нос, нехотя признавая, что сейчас я вполне ничего себе, — а какой у вас аттестат?

— Троечный, конечно, — признался с беззаботной улыбкой, — учеба всегда навевала на меня смертную скуку.

Лидия Сергеевна аж пятнами пошла от такого заявления.

— А вот Стасик — круглый отличник, — вставила свои пять копеек мама ботаника, — с золотой медалью закончил школу, между прочим.

Стасик гордо надулся и смерил меня взглядом, типа «вот тебе, сучка».

— Молодец! Мужик! Уважаю! Дружище, дай руку пожму, — и протянул ему раскрытую ладонь.

Он побледнел, но отказаться не смог, поэтому протянул мне свою дрожащую граблю. Я снова сдавил ее от души с неизменной улыбкой на губах. Стасик охнул, дернулся и совсем сник.

— А еще, — Юлия Ивановна сделала колоритную паузу, нагнетая пафоса, — он бальными танцами занимался!

Почему-то я представил его в розовой пачке и с перьями на голове. Чуть не заржал.

— Да вы что?! Какая разносторонняя личность!

Дина тихонько пнула меня под столом. Я взглянул на нее и понял — девочка тоже борется со смехом. Губы закусила, а в карих глазах смешинки прыгали.

— И на хор ходил!

— Уважаю еще больше, — начал было я и потянулся к нему, но Стасик, перепугавшись еще одного дружеского рукопожатия, схватил с блюда жареную курицу на всякий случай сразу обеими руками.

— Стас! — возмутилась его маменька.

— Дичь можно есть руками, — прошамкал он, вгрызаясь в мясистую ляжку, вмиг растеряв всю свою напускную чопорность.

Дичь — это серьёзно! А уж дикая курица, поверженная в жестокой борьбе — и подавно!

— И куда же вы с таким аттестатом подались? — никак не хотела униматься мадам Кулакова. — В ПТУ, наверное?

Я бы мог сказать про престижный университет, диплом с отличием, свой карьерный рост и нынешнюю должность, но почему-то не хотелось. Материнская симпатия явно была на стороне Стасика, и менять это в мои планы не входило.

— Естественно, Лидия Сергеевна! Еле прошел! Конкурс был ого-го-го какой, столько умников набежало, думал, что не пробьюсь.

Она переглянулась с отцом и пренебрежительно сморщила нос, слушая о моих «успехах».

— На кого, молодой человек, вы учились? — вошел в разговор папенька, который до этого предпочитал отмалчиваться.

— На программера! — уж кривляться, так кривляться.

Мне можно, я ж не свататься пришел.

— На программера? — уточнил батя, глядя на меня исподлобья.

И тут Стас решил блеснуть интеллектом, показать, что он не только танцор от Бога, но и во всех остальных областях просто профи.

— Чего там учиться? — спросил снисходительно. — Басик так прост, что его любой за неделю освоит.

Басик? Я сначала не понял, о чем вообще речь шла, а потом сообразил, что это он про Basic.

Серьезно? Он из какого века? Этот язык программирования сейчас совершенно не в ходу. Его разве что в школах проходят, да энтузиасты-любители для домашних целей используют.

— Да вы что?! — в поддельном изумлении на него уставился, приложив руку к груди. — Непременно обращусь к вам за консультацией. Там столько еще непонятных моментов осталось! Сам не могу разобраться.

Стас иронии не понял. То ли я такой хороший актер, то ли он настолько уверен в своей охренительности, что насмешки не заметил и прочитал мне трехминутную лекцию о том, как должен работать настоящий программист, и что он запросто с этим справился бы, но у него другие, более важные цели. Его мама в этот момент восхищенно прикладывала платочек к уголкам глаз, не в силах нарадоваться на своего дитятку, а Лидия Сергеевна посматривала на меня назидательно, де-

скать, учись как надо, олух бездарный.

Батя молчал, а Динка сидела и тихонько хихикала, уже устав тыкать меня под столом.

— Твоей будущей жене очень повезет, — Кулакова старшая улыбнулась кавалеру, а потом выразительно глянула на дочь.

— Вас уже можно поздравить со счастливым решением? — я тоже взглянул на свою подчинённую.

Она под моим взглядом стушевалась и отчаянно замотала головой.

— Диночка у нас девочка послушная. Кого попало в дом не приведет, — встряла маманя и, промокнув губы салфеточкой, улыбнулась Стасику. — Кандидат должен быть достойным и подходить по всем пунктам. Мы с Леней тщательно это контролируем.

Дина вспыхнула, как свечка, покраснела, не зная, куда от смущения деваться.

— Мам! Прекрати!

— Что такого я сказала? — Лидия Сергеевна повела тонкой бровью. — Ты же знаешь, все отношения только с нашего разрешения.

Ничего себе заявление! Я аж кулаки под столом сжал. Пришлось себе напомнить, что здесь вроде как никто и звать меня никак, просто случайный гость на этом празднике жизни. Но за Дину обидно. Как она только при таком тоталитаризме умудрилась нормальной вырасти, без комплексов и

сдвигов по фазе? Что она там питюкала по поводу того, что хочет снять квартиру? Помогу непременно! Надо вытягивать девку на волю, пока еще есть шанс. Если потребуется — выкраду и сам лично отвезу на новое место.

Родители ее, конечно, любят — это видно невооруженным взглядом, но слишком перегибают палку, считая, что лучше знают, что нужно для счастья дочери. Их эталон — учительские очки и вот этот чудик в качестве мужа.

Посмотрел еще раз на этого пингвина, самодовольно наматывавшего спагетти на вилку и отправлявшего еду в рот. Одна макаронина свисла из общего рулона и смачно шлепнула по утлomu подбородку.

Да что за бред, в конце концов? Ей же не пятнадцать лет! Пусть сама идет вперед, набивает свои собственные шишки, делает то, что хочет. Ей этот угод на фиг не сдался!

Вечер мирно продолжался, убивая своим абсурдом. Я все больше поражался, как старательно учительская чета Кулаковых пытается прогнуть собственную дочь под свои идеалы. Динка не сдавалась, но держала себя в руках. Не хамила, не скандалила, уважительно разговаривала, только на женишка с маменькой посматривала косо. Как у нее только терпения хватало? Лично меня уже так и подмывало высказать все, что я по этому поводу думаю.

Дальнейшую беседу прервал досадный инцидент. Моя сотрудница потянулась за хлебушком, стоявшим чуть поодаль,

табуретка под ней скрипнула, жалобно треснула и повалилась на пол, а я едва успел подхватить Дину, чтобы та не отправилась следом.

— Все хорошо? Не ушиблась?

— Да, все в порядке.

Наши взгляды на секунду пересеклись, и я почувствовал какое-то нереальное притяжение, толкающее к ней навстречу. Кулакова тут же отвернулась, опасаясь лишнего внимания со стороны бдительной матери, а я нервно сглотнул горячий ком, вставший посреди горла.

— Такой хлам дома хранить нельзя, — глубокомысленно изрек Стас, а я поднял табуретку с пола, покрутил ее в руках, рассматривая ущерб.

Хорошая табуретка, крепкая, просто крепление подвело. Если ножку приколотить, еще сто лет прослужит.

— Надо починить... — произнес задумчиво.

— Сделаешь? — Дина склонилась рядом со мной, рассматривая поверженный предмет мебели, а я ловил запах ее волос и просто балдел, вдыхая полной грудью.

— Молоток принести? — тут же поинтересовался папая, подозрительно поглядывая в мою сторону.

Решил проверить прямоту моих рук? Без проблем. Я не только за компьютером умею сидеть.

— Конечно, несите! — встрял вездесущий Стас. — Я сейчас мигом все исправлю.

Леонид Николаевич ушел на балкон и вернулся оттуда с

большим, увесистым молотком с затертой ручкой.

— Прошу, — протянул его то мне, то ли Стасу: мы в этот момент с танцором бок о бок стояли.

Я даже пошевелиться не успел, как он ухватился за молоток и с видом конченного маньяка бросился к табуретке. Схватил ее как-то бестолково, гвоздь приставил, прицелился, замахнулся и, как в анекдоте, по пальцу бахнул.

— А-а-а! — завопил во весь голос, потом сунул палец в рот и замычал.

— Стасечка! — заголосила его матушка и бросилась на помощь.

Следом за ней Лидия Сергеевна, грозно взглянув на свою дочь. Пришлось Дине тоже присоединяться к спасательной операции. Они сунули руку страдающего плотника под холодную воду, потом обложили льдом начинающий распухать палец. Я тем временем подобрал молоток, приколотил ножку, попробовал посидел на табуретке и, убедившись в том, что стоит как влитая, отставил ее в сторону.

Леонид Николаевич молча забрал у меня молоток и ушел в другую комнату.

Чувствовалось, что веселый вечер подошел к завершению. Бледного, едва живого страдальца с забинтованным пальцем под руки вывели из ванной и в прихожую — собираться. Он позволил своей маме себя одеть, повязать шарфик, натянуть шапочку до самых бровей, только обулся самостоятельно, не забывая при этом стонать, как воин, полу-

чивший тяжкую рану на поле брани.

Проявить галантность, что ли? Предложить свою помощь и отвезти их домой?

— Мы в травмпункт, — сообщила Юлия Ивановна и посмотрела на меня как на врага народа, ненавистью окатила так, будто я сам лично обрушил молоток на палец этого неумехи.

Желание помогать мигом испарилось. Нечего. Такси в помощь.

Они ушли, и я понял, что теперь самое время и мне свалить в туман, иначе все внимание Дининой родительницы обрушится на меня.

— Пожалуй, я тоже пойду, — начал неторопливо собираться, прикидывая, проклянут ли меня за сегодняшний вечер или обойдусь банальной икотой.

— Я тебя провожу, — вызвалась Дина, натягивая на плечи спортивную кофту.

— Куда ты собралась на ночь глядя? — тут же коршуном налетела ее мать.

Кошмар, шагу не дадут спокойно ступить. Бедная девочка.

— Мам, — она мирно улыбнулась, — никуда я не иду. На площадку просто выйду.

Лидия Сергеевна нахохлилась, но возразить не решилась, видать, дошло до нее, что глупо выглядит со своими цепляниями.

Я вышел за порог, и Кулакова следом за мной. Плотно прикрыла дверь и встала так, чтобы глазок закрывать своей макушкой.

— Извини за сегодняшний вечер, — Дина смущенно улыбнулась и густо покраснела, — родители у меня своеобразные, на своей волне. Но они хорошие. Очень хорошие.

— Не сомневаюсь. А вообще — забей. Мне все понравилось, — ответил абсолютно честно. Вечер удался на славу.

— Не ври.

— Серьезно. Давно я так не угорал, — с губ сорвался смешок, когда вспомнил Стасика, пытавшегося вбить гвоздь себе в палец, — это гораздо лучше, чем ресторан.

Дина тоже рассмеялась, но потом осеклась и, как маленькая, заламывая руки, проямлила:

— Если ты пригласишь меня еще раз, то я с удовольствием схожу с тобой, — понизила голос до проникновенного шепота.

— Пожалуй, воздержусь, — я покачал головой, но, увидев, как расстроено вытянулась ее физиономия, торопливо добавил, — от ресторана. После такого яркого начала не хочется идти скучным путем.

Кулакова тут же просияла.

— Куда же мы пойдем?

— Сюрприз! — Непременно придумаю что-нибудь особенное.

Дверь распахнулась, и на пороге появилась ее мать:

— Диночка, помоги мне убрать посуду, пожалуйста, — ласково пропела, нарушая наше трехминутное уединение. Наверняка до этого стояла, к глазку прилипнув и пытаясь услышать, о чем мы беседовали.

— Конечно, мам, — Кулакова рассеяно кивнула, — одну минутку.

Маман подозрительно скользнула по нам учительским взглядом и ушла, но дверь плотно не прикрыла, оставив щелочку. Дина только покачала головой и дернула ручку на себя:

— Еще раз прости... И спасибо, что поддержал сегодня. Без тебя вечер был бы просто невыносимым.

— Без проблем, — я пожал плечами. — Тебе, наверное, действительно пора, в покое все равно не оставят.

— Это точно, — хохотнула она, — до понедельника?

— До понедельника.

Между нами повисла неловкая пауза. Наверное, тут были бы уместны объятия и прощальный поцелуй, но вместо этого потоптались, еще раз распрощались и разошлись каждый в свою сторону. Я — вниз по лестнице, а она юркнула за дверь.

Это был странный вечер, но мне действительно понравилось. Как-то все по-настоящему между нами было. Не пустой флирт, искры и показуха, а нечто другое. Мы словно на одной волне оказались. Так странно, но приятно и волнительно.

Домой я возвращался с глупой улыбкой на губах, думая о

том, куда пригласить Кулакову, и как сложится наше следующее свидание.

Глава 6

Дина

Воскресное утро началось замечательно.

Я проснулась и, не спеша выбираться из теплой постели, долго смотрела на букет белых роз в скромной вазе на столе. Простой, без изысков, без бешеного количества бутонов, но такой... уютный, что ли. Вспомнила Антона и его физиономию, когда затащила его к себе в гости, и прыснула в подушку.

Бедняга, он точно на такое не рассчитывал, но справился весьма достойно. Не стал гнуть пальцы, хвалясь должностью, деньгами и тем, что он мой начальник, а просто отдуши повеселился, встав на мою сторону. Без него этот ужин был бы сплошным наказанием: меня посадили во главу стола, слева — мои родственники, справа — чета Петровых.

Меж двух огней сидела. С одной стороны — родители, знающие, как мне жить, а с другой — Юлия Ивановна, нахваливавшая сына и не устававшая подчеркивать, что мне крайне повезло, что он вообще меня заметил, ну и, собственно говоря, сам Стасик, убежденный в собственной уникальности. Как непризнанный гений сыпал умными словечками и резкими комментариями в сторону других «неучей», бросал на меня взгляды истинного жеребца и даже пытался накрыть мою руку своей, но после того, как я незаметно для

остальных ткнула его вилкой в пухлую ляжку, оставил свои романтические поползновения.

И вот я сидела и задыхалась в этой веселой компании, как вдруг звонок Антона.

Мама с самого утра так вынесла мне мозг, да еще припрягла к готовке, что у меня напрочь вылетело из головы наше свидание. Чуть не завопила в голос от отчаяния и, уже ни на что не рассчитывая, пригласила его к себе, уверенная в том, что он просто меня пошлет и уедет. И на этом будет поставлена некрасивая жирная точка.

Северный согласился, и это было лучшее, что он мог для меня сделать.

Родители притихли, Стас перестал лезть — теперь чтобы дотянуться до меня, ему надо было преодолеть Антона, а это задача не из простых — у начальника конституция мощная, одни плечи чего стоили.

Дальше вечер перестал быть скучным и напряжённым. По крайней мере, для меня. Я расслабилась, а остальные, наоборот, напряглись. Отец был странно молчалив, маменька пыталась поддеть Северного, но безрезультатно, а Стас начал пороть откровенную чушь, не зная, как еще себя возвысить над конкурентом. А мы с Антоном угорали, понимая друг друга без слов. Так здорово.

Мама дважды постучала в дверь, прежде чем зайти. Вся бледная, осунувшаяся, с густыми тенями под глазами и взглядом, наполненным вселенской тоской.

Начинается...

— Привет, мам, — сладко потянувшись, села на кровати, — что-то я сегодня обленилась, никак не встану. Как тебе спалось?

— Плохо, — горестно сказала она и тяжело вздохнула, — мне всю ночь снились кошмары.

— Бывает, — я специально не стала спрашивать, что именно ей снилось в кошмарах. Уверена, что это был Северный.

Мама, так и не дождавшись от меня наводящего вопроса, все равно начала рассказывать.

— Мне снилась ты...

Внезапно.

— В драгине, на паперти, с протянутой рукой, — дребезжащим от муки голосом продолжала она, глотая крокодиловы слезы, — а рядом с тобой сидел этот жуткий невежественный птушник...

Сказать ей, что ли, что все не так? Что Северный помозговитее Стасика будет. У него реальные рабочие мозги, способные генерировать ценные идеи, а не просто заниматься шапкозакидательством.

— ...Он был пьян, вонюч, с подбитым глазом...

— Это я ему подбила? — спросила, стараясь так уж откровенно не улыбаться.

Мама смерила меня возмущенным взглядом, поэтому я предпочла больше не шутить, а молча переодеваться.

— А мимо вас прогуливался Станислав под руку с элегантной дамой и даже не смотрел в твою сторону. Представляешь?

— С трудом.

Это я про Стаса и даму. Мне кажется, этот кадр точно никогда не изменится. Там мамочка постаралась, внушая ему, что он самый лучший, самый умный, самый красивый, а все, кто с этим не согласен — просто идиоты.

— Жуткий сон, правда? — мама не сдавалась.

— Просто сон, — я пожала плечами и пошла умываться, чувствуя, как она смотрит мне вслед.

Когда вернулась, обнаружила, что букета нет. Белые розы исчезли, а на их месте появился унылый пучок желтых гвоздик, и я догадываюсь, чьих это рук дело:

— Мама! — рывкнула и решительно пошла на кухню.

— Да, Диночка? — она встретила меня ласковой улыбкой.

— Где мой букет?

— У тебя на столе.

— Я не про то безобразие, что там только что появилось. Где мои белые розы? — грозно засопела, в этот раз не собираясь уступать.

— Эта безвкусица? — маман пренебрежительно сморщила нос. — Большой вульгарщины сложно придумать! Такие только... непутевым преподносят!

— Правда?! — взвилась я. — Что же папа тебе всегда только такие дарит, а?

— А вот и не такие!

— Такие! Всегда еще приговаривает «белые розочки для моей любимой козочки»!

Мама, пойманная с поличным, замялась. Глазки по сторонам забегали, щеки залил румянец.

— Где мои цветы, мама? — я перешла в наступление.

— Я их выкинула, — холодно произнесла она и отвернулась к плите.

— Что ты сделала? Выкинула? Мои цветы? Зачем?! — у меня просто слов не было, аж в ушах от негодования зашумело.

— Неприлично девушке тащить в комнату веник, подаренный не пойми кем, когда уже есть достойный букет от молодого человека, — чопорно заметила она, всем своим видом демонстрируя оскорбленную добродетель.

— Мама! — я уже пыхтела, как бешеный носорог. — Завязывай со своими сводническими потугами! Стас — не мой молодой человек и никогда им не станет! Это во-первых! Тихо! — прервала ее протест. — Его достойный букет на самом деле достоин исключительно одного — титула «прощай молодость»! Это во-вторых! А в-третьих, ты не имела права выкидывать мои цветы, и неважно, кем они подарены!

— Как ты разговариваешь с матерью?! — она схватилась за сердце. — Я из-за тебя и твоего невоспитанного гостя полночи не спала, а теперь еще и это должна терпеть?!

Всхлипнула и повалилась на кухонный уголок.

Да ё-моё! Как бы я ни сердилась в данный момент, но дочерние чувства превыше всего. Схватила стакан, налила воды и присела рядом с ней.

— Держи! — Она оттолкнула в сторону мою руку, вызывая глухое раздражение. — Может, таблеточку дать? Валидол под язык? — процедила сквозь стиснутые зубы.

— Не надо мне ничего, — горестно изрекла она, — мне уже ничего не поможет. Единственная дочь — и никакого уважения к матери...

Все, мне не жить. Она теперь при каждом удобном случае будет этим попрекать.

Тут, словно черт из табакерки, на кухне появился отец.

— Что у вас происходит? — спросил строго.

— Твоя дочь — неблагодарная хамка, — вынесла свой вердикт мама.

— Что опять стряслось?

— Спроси у нее, — родительница едва заметно, через силу указала рукой на меня.

Отец тут же перевел в мою сторону суровый взгляд.

Как же мне это все надоело!..

— Мы поспорили из-за цветов, — сказала спокойно, а потом мстительно добавила: — Мама говорит, что те белые розы, которые ты ей даришь — вульгарная безвкусица.

Маменька сдавленно пискнула, а у папы вытянулась физиономия. Он метнул на нее недоумевающий взгляд, но я сидела между ними, мешая переглядываться.

— Вот гвоздики — это самое то, а белые розы — ерунда полная, — продолжала выплескивать раздражение.

— Лида! Ты же терпеть не можешь гвоздики! Я тебе единственный раз по молодости букет из них дарил, и вспомни, что ты сделала? Двор ими подмела!

— Вот и я о том же, пап!

Мама как-то уж слишком бодро для умирающей вскочила на ноги и грозно погрозила мне пальцем:

— Не перевирай мои слова, мы говорили совсем о другом!

Отец тактично кашлянул, как бы намекая, что нельзя так стремительно из образа выходить, но она даже не заметила этого.

— Об этом, — уперлась я, — ты выкинула мой букет, потому что цитирую «такую вульгарщину только непутевым дарят».

Она вспыхнула, словно свеча, снова схватилась за сердце и хотела что-то сказать, но у меня не было сил слушать:

— Только не надо опять падать в обморок. Два раза за пять минут это уже слишком! Даже для тебя! — произнесла предупреждающе и с грохотом поставила стакан на стол, расплескав половину воды. — Спасибо за хорошее утро. Завтракать не буду, сыта по горло.

Ушла к себе, но через миг вернулась, неся с собой букет от Стасика. Родители, до этого активно перешептывающиеся между собой, тотчас притихли, подозрительно поглядывая в мою сторону. Я демонстративно скомкала гадкие гвоздики и

засунула их в мусорное ведро, где уже покоились мои бедные белые розы.

После такого протеста было тошно сидеть в своей комнате, да и не хотелось дожидаться счастливого момента, когда они все обсудят и снова пойдут в наступление, поэтому быстро оделась и просто сбежала из дома, не сказав им ни слова.

Гуляла по улице, еле превозмогая желание позвонить Антону, но под конец пришла к выводу, что не стоит навязываться и мешать, у него вполне могут быть свои дела. В результате ушла к подружке и провела у нее весь оставшийся день.

На следующий день я столкнулась с родителями на кухне. Они вели себя так, словно накануне ничего не произошло. Ни слова, ни полслова о том, как погибли мои несчастные цветы, про скандал тоже не вспоминали. Все у нас хорошо, весело и нарядно.

Ну и ладно. Я тоже не стала усугублять, надела сдержанную дочернюю улыбку и, быстро позавтракав, ушла на работу.

Там ждал аврал. Катастрофа местного масштаба.

Едва я переступила порог офиса, как на меня оглушил чей-то истеричный вопль:

— Сервер упал!

Куда упал и кто его уронил, я выяснить не смогла, потому что угодила в самую гущу суматохи. Программисты мельте-

шили по залу, судорожно лупили по кнопкам, что-то вопили про резервные копии и откаты. Я ничем не могла помочь и только путалась под ногами, поэтому поспешила удалиться к себе и взяться за ту работу, что мне по силам.

Северного видела всего пару раз и то мельком, и от этого было грустно. Хотелось еще раз поблагодарить его за субботний ужин да и просто пообщаться.

По-моему, я умудрилась соскучиться по Антону.

Сей факт меня озадачил и даже немного напряг. Не рано-вато ли я по нему скучать начала? Если не брать во внимание наш провальный школьный опыт, то мы знакомы с ним без году неделя, друг о друге практически ничего не знаем. Одна встреча только в неофициальной обстановке была, и ту свиданием не назовешь. Глупости.

Тем не менее каждый раз, когда он оказывался в поле зрения, я провожала его долгим задумчивым взглядом.

Похоже, я запала на Тюленя.

Расстройства по этому поводу не было, стыда тоже.

А что такого? Я девочка большая и никому ничего не должна.

За весь день мы с ним не обмолвились и десятком слов. Он носился как угорелый, решая проблемы с сервером, а я кропотливо и сосредоточенно выполняла свои обязанности. Когда настало время уходить, Антон все еще был поглощен работой.

— Пока, — произнесла, в нерешительности перетаптыва-

ясь с ноги на ногу на пороге его кабинета.

— Пока, — кинул, не отрываясь от экрана.

Конечно, обидно, но я понимала, что на Северном лежит ответственность за работу всего офиса. Ему не до телячьих нежностей.

Вздохнула грустно и пошла прочь.

— Дина! — донесся голос из-за спины.

— Что? — встрепенулась я, едва не подпрыгнув на месте.

— Родителям привет передавай! И инвалиду труда!

— Обязательно! — рассмеялась и дальше пошла, чувствуя, как настроение медленно ползет вверх.

На улице шел первый в этом году крупный снегопад. Дороги замело, прохожие оказались не готовы к буйству стихии, поэтому спешили по домам, одна я не торопясь брела по улице и блаженно улыбалась.

К сожалению, вся неделя выдалась такой: суматошной, нервной, напряженной. Сотрудники усердно корпели над восстановлением утраченных данных, и Северный старался больше всех. Вдобавок ему пришлось ехать в головной офис в Москву, так что наше общение по-прежнему было минимальным, но я больше не кисла по этому поводу. Все наладится, стабилизируется, а там уж и поговорим.

Но на выходные все равно уходила с тяжелым сердцем, поэтому несказанно удивилась, когда телефон запиликал еще до того, как успела выйти из здания. На экране — номер Ан-

тона, и сердце тут же тут же побежало вскачь.

— Привет, — поздоровалась, хотя всего пару минут назад мы прощались.

— А ты куда сбежала? — спросил он подозрительно.

— В смысле? Домой пошла. Шестой час уже.

— Мы с тобой планировали куда-нибудь сходить. Не была?

Еле сдержалась, чтобы не начать прыгать посреди холла. Конечно, я помнила об этом всю неделю, и была уверена, что это у него из-за проблем все из головы вылетело.

А оказывается — нет! Он про меня не забыл! Свиданию быть!

— Конечно, нет, — растеклась в блаженной улыбке.

— Тогда предлагаю встретиться завтра. Днем. Чтобы твои родители потом не учинили допрос, с кем это ты по вечерам не пойми где слоняешься, — усмехнулся Северный, а я смутилась. Потому что он прав.

Всю эту неделю, стоило мне задержаться на полчаса, начинались звонки. Где я, что я, с кем я, когда приду домой, и снова с кем я. Такого тотального контроля не припомню с младших классов. Видать, сильно предки напряглись от того, что на горизонте появился Северный. Поняли, что их любимый Стасик меркнет, тускнеет и теряется на фоне «матерого ПТУшника».

Я устала. Раньше как-то внимания не обращала, а сейчас просто сил не осталось. Сначала из-за работы мозг компо-

стировали, теперь из-за Антона. Сколько можно? Точно перееду.

— Ты опять отключилась? — поинтересовался Антон, и я поняла, что пока предавалась самоанализу, он что-то увлеченно вещал.

— Нет... да!

— Эх, Кулакова! Уволю я тебя за несобранность, — рассмеялся грозный начальник, — повторяю вкратце, для самых тугих. Настоящая зима началась, каток в парке залили, поэтому предлагаю завтра покататься на коньках.

— Отлично! — выпалила я. — С удовольствием.

— Вот и хорошо. Давай в двенадцать?

— Замечательно!

— Тогда пока. До завтра.

— До завтра, — я так и осталась стоять посреди холла, с телефоном, прижатым к уху, и синтетической улыбкой.

Парк — это действительно хорошо, коньки — вообще шикарно. Проблема только в том, что я ни черта не умела на них кататься. Даже стоять не могла, ноги самовольно расползались в стороны, а пятая точка настойчиво тянулась ко льду. И как с такими входными данными очаровать Северного? Как сразить парня, если я буду похожа на корову на льду?

С перепугу согласилась на его предложение, а теперь не знала, как быть. Не отказываться же в самом деле?

К парку пришла ровно к двенадцати. В полном параде —

штанах дутых, зеленой спортивной куртке, шапке, из которой только нос и торчал. Вся такая собранная, деловая, полная стремления научиться стоять на коньках, а в идеале еще и передвигаться на них. Ну или хотя бы план минимум выполнить — не убиться в первую же минуту и не уйти с катка с огромным рогом на лбу.

Антон встретил меня радостной улыбкой, но тут же нахмурился, скользнув взглядом по моей амуниции.

— Такое чувство, что ты не кататься пришла, а приготовилась к длительному марш-броску через горные перевалы.

— Очень смешно, — проворчала, шапку пониже натянула и бросила тоскливый взгляд в сторону катка, где рассекали счастливые люди, радуясь зимней забаве.

Я не радовалась. Я напрягалась. Очень сильно, и Антон это заметил:

— Ты чего? — Северный бросил на меня косой взгляд. — Не хочешь кататься?

— Хочу, но не умею, — призналась, — все мои попытки заканчивались шишками.

— Да ладно тебе, — он беспечно отмахнулся, — там же все легко. Идем, я мигом тебя научу.

Ну-ну, наивный. В общем, мое дело — предупредить.

Мы зашли в маленький домик, где выдавалось оборудование на прокат. Антон назвал свой размер, я свой, и через минуту у нас на руках было две пары потертых, выдавших виды коньков.

— Запаковывайся! — скомандовал он и начал переобуваться.

Я пыхтела от усердия, пока боролась со шнурками, пока заталкивала ногу в ботинок, пытаюсь удержать непослушный язычок, норовивший нырнуть внутрь. Потом начала завязывать. Намотала кое-как на крючки, затянула, бантик закрутила.

Северный, уже в полной боевой готовности, молча наблюдал за моими потугами.

— Плохо завязала, — наконец, изрек задумчиво и покачал головой, — или щиколотку вывернешь, или развяжутся твои морские узлы и навернешься.

— Нормально! — упрямо засопела и попыталась подняться.

Действительно — неудобно. Ноги вихляют.

— Давай переделаю, — решительно шагнул ко мне.

— Не надо, — попробовала отказаться, но куда там!

— Надо! — На плечи бесцеремонно надавил, усаживая обратно на лавку, опустился передо мной на колени как истинный рыцарь, и принялся распутывать то макраме, что я наплела.

Пока он колдовал над моими коньками, я боялась дышать. На мне портки такие, что на Северном полюсе не замерзнешь, а я все равно чувствовала каждое его прикосновение, будто к оголенной коже притрагивался. От волнения дрожь по позвоночнику пробежала, и все силы уходили на то, что-

бы это скрыть.

Антон невозмутимо затягивал шнурки, не замечая моего состояния, а я думала о том, что каток — это плохая идея. Очень плохая.

— Все готово, — он еще раз проверил узел, натяжку и удовлетворенно кивнул, — можем идти.

Я протянула ему руку, и он рывком поставил меня на ноги.

— Ну как?

— Словно в колодках, — пожаловалась, чувствуя, как туго облегает ногу кожаное голенище.

— Так и должно быть. Цепляйся за меня — он подставил локоть, я благодарно за него схватилась, и мы побрели к выходу. В принципе, это было нетрудно — резиновое покрытие позволяло идти нормальным шагом. Но вот что будет на льду?

Мы спустились по деревянным ступенькам и подошли к проему в ограждении.

— Готова? — с улыбкой спросил Северный, наблюдая за тем, как я нервно кусаю губы.

— Ды-а, — выдала с запинкой, — вроде бы.

— Не бойся. Я буду рядом, — он ободряюще улыбнулся и потянул меня на лед.

Была не была.

На первом же шаге мои ноги решили, что сегодня им можно все. Поэтому одна устремилась налево, а вторая сначала поехала вперед, а потом передумала и метнула вправо. В ре-

зультате я повисла на Антоне, как большое зеленое яблоко. Он только охнул и успел подхватить, вовремя предотвратив мое позорное падение.

— Ты чего?

— Пообниматься захотелось, — проворчала себе под нос, пытаясь от него отстраниться и встать ровно, но не вышло.

Ноги снова поехали, я начала перебирать ими быстро-быстро, пытаясь восстановить равновесие, и снова обес-
силенно повисла на своем спутнике.

— Эх ты, как все запущенно, — рассмеялся он, подхватывая меня за талию.

— Я предупреждала.

Не знаю, как там с катаньем, но наобнимаемся мы сегодня однозначно.

— Думал, преувеличиваешь, — подтащил меня к бортику.

— Размечтался.

— Стой здесь, я сейчас приеду! — отдал распоряжение Северный и куда-то укатил.

Я изо всех сил вцепилась в ограждение. Тут ноги объединились и решили действовать синхронно, покотившись в одну сторону. Просто праздник непослушания.

— Ё-ё-ё-ё... — повисла на бортике и завопила, обращаясь неизвестно к кому: — Спасите, помогите!

— Ни на секунду оставить нельзя, — Антон уже вернулся, толкая перед собой большого пластикового утенка — под-

ставку для таких неумех, как я.

— Поверь, это только начало, — утешила его, нервно хихикнув.

— Я уже понял, — подхватил меня под руки, помогая выпрямиться, поставил рядом с утенком, положил мои руки на поручни. — Все поехали.

Это я запросто. Едва оттолкнувшись, зацепилась носком за лед и шлепнулась на колени.

— М-да-а-а-а, — протянул он, задумчиво потирая шею, — похоже, с катком я погорячился.

— Вызвался учить? Учи! — повелела я, пытаюсь подняться.

Сначала на четвереньки встала, потом рачком, потом бочком, а затем медленно выпрямилась. Вышло некрасиво и ни капли не элегантно. Чувствую, прогулочка будет веселой.

Бедный Северный...

Он взмок, пока со мной воевал, измучился, поднимая со льда мое вялое тельце, норовившее повалиться при каждом удобном случае. Но справедливости ради надо сказать, что результат был. В шапке набекрень, запыхавшаяся и отбившая себе все мягкие места, я все-таки поехала. Не как спортсмен, не как любитель и даже не как пятилетний ребенок, впервые пришедший на каток. Я поехала своим особенным манером — с высунутым от усердия языком, на прямых негнущихся ногах. Когда они начинали разъезжаться, я сво-

дила носки, когда разъезжаться — разводила, рисуя на льду эдакие волны. При этом истошно орала на всех, кто оказывался рядом: «Куда прешь! Не видишь, я еду!»

Антон, убедившись, что вроде как стою, не падаю, нарезал вокруг меня круги — ловко, уверенно, не прилагая никаких усилий. Глядя на него, мне оставалось только сопеть и крепче цепляться за утенка.

Кстати, про утенка. То ли сегодня на катке собрались лишь опытные ездоки, то ли я совсем бездарна, но утенок был только у меня. И еще у девочки лет пяти. Правда, она бросила его через десять минут и покатила самостоятельно. Я бросить не могла. Страшная, с отбитым клювом утка была единственным, что мешало отбить клюв самой себе, поэтому упорно толкала ее перед собой, гордо задирая подбородок, когда натыкалась на чей-нибудь насмешливый взгляд.

А насмешливых взглядов было хоть отбавляй. Особенно от девиц, которые в красивых легинсах и модных курточках бодро рассекали на коньках, умудряя при этом выглядеть легко и непринужденно. Не то что я. Эдакий суровый гном, запакованный по самые уши. Фрося Бурлакова на зимней утиной охоте.

Ладно, бог с ним с внешним видом. Еду — и хорошо. Это и так уже прогресс по сравнению с прошлыми попытками.

Антон подкатил ко мне, резко затормозил, высекая лезвиями фонтан ледяных брызг.

— Как успехи? — в серых глазах светилась усмешка.

— Восхитительно! Чувствую себя богиней фигурного катания, — фыркнула, смахивая со щеки прилипшие волосы, — ты просто великий тренер.

— А то! — Антон рассмеялся, оценив мои дурачества.

Мимо нас неторопливо прокатила влюблённая пара. Она склонила голову ему на плечо, а он нежно обнимал ее за талию. Выглядело так красиво, так романтично, что я залюбовалась.

Мы с Северным молча проводили счастливых взглядами.

— Вот так я видел наше свидание, когда приглашал тебя на каток, — усмехнулся мой личный тренер, показав пальцем в их сторону, — ты, я, держимся за руки, неспешно нарезаю круги, разговариваем.

Я тоже очень живописно представила, как бы все могло сложиться, не будь я такой корягой. А так получается: бодрый он, потная я, убогая утка и никакой романтики. Не порядок!

— А давай попробуем! — предложила внезапно для самой себя. Антон посмотрел на меня с опаской. — Прокатимся вот так, как они... В сторону выхода. Все равно время уже почти вышло, — кивнула в сторону циферблата, висевшего на домике проката.

— Уверена? — критично скользнул по моим скололапленным ногам.

— Да, я уже крепко стою на ногах, — приукрасила свои скромные успехи.

Уж очень мне захотелось романтической поездки вдвоем, хотя бы метров двадцать.

— Ну... давай, — с сомнением протянул мне руку, в которую я тут же вцепилась, как клещ. Утка, оставшаяся без присмотра, тут же отъехала в сторону, оставив меня без опоры. Ну и ладно, буду за Антона держаться! Заодно есть повод пообниматься.

— Готова?

— Вроде как, — ощутила дрожь в коленях.

— Поехали?

— Ага.

Ну мы и поехали. Он поддерживал и тащил вперед, а я, словно паралитик, на прямых, как палки, ногах. При этом еще пыталась улыбаться, изображая томную барышню. Судя по тому, как он на меня косился — томная барышня не получилась. Обидно, ведь я очень старалась.

И вот когда до выхода уже оставалось метров пять, я решила, что способна на большее. Решила его сразить... В прямом смысле этого слова. Чтобы наша прогулка надолго ему запомнилась.

Выпрямилась внезапно, руку его отпустила, оттолкнулась и поплыла вперед белым лебедем.

— Ты чего? — только успел брякнуть Антон.

— Я сама! — обернулась через плечо, дабы осчастливить его игривой улыбкой и тут же почувствовала, как цепляюсь за лед.

Северный успел ко мне подскочить, но не остановить бесславное падение, и в результате отгреб по полной. Я махала руками, как ветряная мельница, и смачно заехала ему сначала по лбу, потом под дых. Он охнул от неожиданности, попытался уклониться от дальнейшей атаки, но не смог. Ноженьки мои снова поехали. Я сделала ему такой подкат, что хоккеистам и не снилось.

Северный только руками взмахнул и ухнул вниз, а я следом. С размаху.

Он тихонько хрюкнул и затих.

— Антон? — встревоженно с него скатилась. — Ты жив?

Он еще раз хрюкнул, и я поняла, что начальник беззвучно ржет.

— Кокетка из тебя — никакая! — выдавил сквозь смех.

— В тебе пропал талант убийцы!

— Иди ты на фиг, — сердито пихнула его в бок и на коленях поползла к выходу.

Северный поймал меня уже у самой кромки, схватил за шкуру, поставил на ноги и потащил к домику.

— Брось меня, — страдальчески выдавила, повиснув у него на руке, — спасайся сам.

— Иди уж. Жертва несчастная!

В домишке тяжело плюхнулась на лавку, стащила с взмокшей головы шапку:

— Все. Сил нет. Останусь здесь.

Северный, проявляя чудеса терпения, достал меня из

коньков, сам их сдал, уладил все вопросы, в то время как я безвольно валялась, обмахивая раскрасневшуюся физиономию.

— Все. На каток мы с тобой больше не пойдем, — произнес категорично Антон.

— А куда пойдем? — я была очень не против сходить с ним куда-нибудь еще, но без экстрима, без льда, без уток.

— Хм, пока не знаю, — он пожал плечами.

— Тогда следующий выход в свет организовываю я! — кивнула решительно.

Придумаю что-нибудь интересное, необычное. Удивлю его так, что обалдеет!

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.